

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 4

В ПЯТИ ТОМАХ

ЭКОНОМИКА СССР
В ПЕРИОД С 1921 ПО 1929 ГОДЫ.
ДЕНЬГИ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭКОНОМИКА ФРГ, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ,
США, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ,
КИТАЯ, ЯПОНИИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

А Л Е Т Е Й Я

Экономическая история мира в 5 томах

Коллектив авторов

**Экономическая история мира. Том
4. Экономика СССР в период с
1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая
мировая война. После Второй
мировой войны: экономика
ФРГ, Англии, Франции, США,
Латинской Америки, Китая,
Японии и Восточной Европы**

«Алетейя»

2018

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02

Коллектив авторов

Экономическая история мира. Том 4. Экономика СССР в период с 1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая мировая война. После Второй мировой войны: экономика ФРГ, Англии, Франции, США, Латинской Америки, Китая, Японии и Восточной Европы / Коллектив авторов — «Алетейя», 2018 — (Экономическая история мира в 5 томах)

ISBN 978-5-907030-05-3

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-907030-05-3

© Коллектив авторов, 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

1. Экономика СССР в период с 1921 по 1945 года	6
1.1. Хозяйство страны в период военного коммунизма	6
1.1.1. Декрет о земле. Социалистическая революция в деревне	6
1.1.2. Национализация банков, транспорта и промышленности	7
1.1.3. Предпосылки военного коммунизма	10
1.1.4. Сельское хозяйство и продразверстка	11
1.1.5. Военный коммунизм в промышленности	13
1.2. План ГОЭЛРО и Г. М. Кржижановский	15
1.3. Хозяйство страны в годы НЭПа	17
1.3.1. Предпосылки НЭПа	17
1.3.2. Восстановление сельского хозяйства. Кооперативный план	18
1.3.3. Торговля и финансы	20
1.3.4. Ленин и кооперативное движение – упущенные возможности	22
1.4. Хозяйство страны в годы довоенных пятилеток	28
1.4.1. Социалистическая индустриализация. Проблема накоплений и переход к административным методам	28
1.4.2. Промышленность в довоенные годы	30
1.4.3. Коллективизация сельского хозяйства	35
2. Экономический фактор в развязывании мировых войн	39
Введение	39
2.1. Экономическая мысль о природе и сущности империализма	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Экономическая история мира: в 5 т.
Т. 4. Экономика СССР в период с
1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая
мировая война. После Второй мировой
войны: экономика ФРГ, Англии,
Франции, США, Латинской Америки,
Китая, Японии и Восточной Европы
Под общей редакцией заслуженного
деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук,
профессора М.В. Конотопова**

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-корр. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

3-е издание, дополненное и доработанное

Авторский коллектив:

Ю. Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (17.1)

А.Ю. Егоров, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (1.2)

М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17.2, 17.3)

В. А. Марьяновский, д.э.н., проф. (1.3.4)

С. И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ (1,3,4,5,6,7,8,9,10,11,12,13)

С. Я. Лавренов д. полит.н., проф. (2)

1. Экономика СССР в период с 1921 по 1945 года

1.1. Хозяйство страны в период военного коммунизма

1.1.1. Декрет о земле. Социалистическая революция в деревне

Одним из первых декретов советской власти был Декрет о земле. В основу этого декрета был положен «крестьянский наказ», т. е. требование крестьян, которое было включено в программу партии эсеров как главный пункт этой программы. Таким образом, *декрет выполнял не большевистскую, а эсеровскую аграрную программу.*

Согласно декрету земля национализировалась, т. е. отменялась частная собственность на землю.

Между крестьянами для пользования согласно декрету земля делилась по общинному принципу уравнительного землепользования – поровну. Таким образом, декрет закреплял общинные отношения в деревне – общественную собственность на землю и общинное уравнительное землепользование.

В советской литературе обычно основное внимание уделялось тому, что по декрету земли помещиков конфисковывались без выкупа. Но если учесть, что к этому времени у помещиков осталось меньше 10 % земли, очевидно, это было не главным в содержании декрета.

Декрет, согласно представлениям большевиков, не совершал еще социалистической революции в деревне, поскольку он не был направлен против сельской буржуазии – кулаков. Он был направлен против помещиков, которые традиционно считались феодалами, хотя практически давно уже вели капиталистические хозяйства. Следовательно, он был **актом буржуазной революции.**

Согласно большевистской программе в социалистической революции рабочий класс в деревне действует в союзе с деревенской беднотой против деревенской буржуазии – кулаков. Но процесс разложения крестьянства на буржуазию и пролетариат в России существенно не продвинулся, поэтому основную часть крестьянства составляли не бедняки, а середняки. Если начинать борьбу бедняков против кулаков, большинство крестьян окажется между воюющими сторонами. Начинать такую борьбу было явно преждевременно и опасно. А эсеровский декрет привлекал на сторону советской власти всю деревню, все крестьянство.

Земля, согласно декрету, делилась между крестьянами по трудовой норме – по количеству работников в семье или по потребительской норме – по числу едоков в семье. *Этот общинный принцип уравнительного землепользования эсеры провозглашали как социалистический.* Если делить землю поровну, говорили они, то обеспечивается равенство условий труда между крестьянами, не будет деления на богатых и бедных, и капиталистическая эксплуатация будет невозможна. Эсеры взяли этот принцип у народников, преемниками которых они и являлись, а народники – в сельской общине.

Следующие действия советской власти в деревне были связаны с решением продовольственного вопроса. К весне 1918 г. в городах северной полосы России разразился голод. В Петрограде давали по карточкам 50 г хлеба в день, в Москве – 100 г. Население городов стало разбегаться по деревням. Между тем хлеба в стране было пока достаточно. Хлеб не поступал в города, потому что был нарушен товарооборот между городом и деревней: деньги обесценились, а промышленных товаров для обмена на крестьянскую продукцию почти не было. Надеяться, что крестьяне будут снабжать город бесплатно, не приходилось. Надо было добывать продовольствие силой.

Из городов по деревням двинулись **продотряды**. Это были небольшие вооруженные отряды рабочих, которые забирали обнаруженные запасы хлеба и отправляли в город.

Однако продотряды не только заготавливали хлеб. Они организовали деревенскую бедноту в **комбеды – комитеты бедноты**. Вначале перед комбедами ставилась узкая задача – помочь продотрядам. Городские рабочие не могли определить, у кого есть запасы хлеба и, тем более, где этот хлеб спрятан. Но это, как правило, знали свои деревенские бедняки.

Но практическое значение комбедов оказалось значительно шире, чем предполагалось вначале: они стали органом власти в деревне. От сельских советов, которые были выборными органами всего крестьянства, власть перешла к комбедам, органам диктатуры пролетариата, деревенской бедноты. В. И. Ленин считал, *что именно переход власти в руки комбедов явился социалистической революцией в деревне*. На этот раз все было точно по большевистской программе: рабочий класс города, продотряды в союзе с деревенской беднотой, объединенной в комбеды, одержал победу над деревенской буржуазией и взял власть в свои руки.

Комбеды провели дополнительный передел земли: отобрали у кулаков излишки земли сверх норм уравнительного землепользования, покончив тем самым с остатками столыпинской аграрной реформы.

Перед революцией Ленин считал, что переход к социализму в деревне невозможен «без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно образованных агрономов», что необходимо «перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах».

Эта идея была закреплена февральским декретом 1918 г., по которому «на все виды единоличного землепользования» следовало «смотреть как на преходящие и отживающие» и создать «единое производственное хозяйство» страны. Это единое хозяйство, очевидно, предполагалось как общегосударственное, но пока стали организовывать коллективные хозяйства в форме коммун. Коммуны создавались по инициативе комбедов и продотрядов и состояли из бедноты и городских рабочих.

Коммуна – коллективное хозяйство с полным обобществлением всего имущества ее членов и с распределением доходов поровну. Поскольку принцип уравниловки не создавал материальной заинтересованности, впоследствии коммуны были признаны не совсем удачной формой ведения хозяйства.

Однако коммуны в то время были не столько хозяйственными, сколько политическими организациями. В их уставах ставились задачи борьбы с капиталом, распространения знаний и т. п. Одна из коммун, например, записала в своем уставе намерение открывать средние и высшие учебные заведения, столовые, библиотеки, издавать журналы и газеты. Меньше всего здесь говорилось об организации производства.

Впрочем, и возможностей вести полноценное хозяйство у коммун чаще всего не было. Когда безлошадные крестьяне и городские рабочие объединялись в коммуны, получалась безлошадная коммуна. Зато в распоряжение коммун передавалась часть продовольствия, конфискуемого у кулаков.

1.1.2. Национализация банков, транспорта и промышленности

Первым действием советской власти в области промышленности стало установление, а точнее – **законодательное закрепление рабочего контроля на предприятиях**. Еще при Временном правительстве на заводах стали возникать рабочие комитеты как органы революционной власти с всеобъемлющими функциями. Это и было потом названо термином «рабочий контроль». Система таких органов была закреплена ноябрьским декретом 1917 г.

Чаще всего заводские комитеты просто брали власть на предприятиях в свои руки. Впрочем, иногда, отстранив предпринимателей от управления, они потом предлагали им вернуться.

Дело в том, что рабочие не были достаточно компетентными, чтобы управлять производством. Как показало специальное обследование, только 87 органов рабочего контроля в Москве смогли установить финансовый контроль, т. е. контроль над экономикой производства. Было и другое: рабочие, считая предприятие теперь своей собственностью, продавали запасы и оборудование, а вырученное использовали на свои потребности.

Так же как Декрет о земле, рабочий контроль не соответствовал программе большевиков, которая предполагала всю промышленность объединить в руках государства. Перед революцией Ленин писал, что необходим государственный надзор и регулирование промышленности, что, в отличие от других органов старой власти, **государственный аппарат учета и контроля не следует уничтожать, его нужно сохранить и использовать**. В работе Ленина «Государство и революция» было сказано: **«Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката»**. Поэтому при обсуждении Декрета о рабочем контроле были возражения, что он противоречит «плановому регулированию народного хозяйства и распыляет контроль над производством вместо того, чтобы его централизовать».

Декрет соответствовал программе анархо-синдикалистов, которые выступали против государства вообще, настаивая на передаче средств производства в руки трудящихся (синдикалисты-«профсоюзники»).

Итак, в этом деле столкнулись две противоположные тенденции: одна, которая исходила из программы большевиков, – централизовать производство под руководством государства, и вторая шла снизу, от рабочих, стремления которых и отражали анархо-синдикалисты, – передать производство в руки самих рабочих. **Как и в случае Декрета о земле, большевики были вынуждены на время отказаться от своей программы**.

Уже потом, в качестве теоретического обоснования декрета, было дано объяснение, что он выполнял две главные задачи:

1. Не допустить саботажа администрации, ее действий по расстройству производства. Предполагалось, что буржуазия будет сопротивляться революции, направленной против нее.

2. Научиться управлять производством. Органы рабочего контроля стали школой, в которой рождались первые советские директора из рабочих.

Борьба рабочих за самоуправление, за самостоятельность профсоюзов продолжалась еще несколько лет. Лишь в 1918–1921 гг. была разгромлена «рабочая оппозиция».

Рабочий контроль существовал недолго. Чтобы преодолеть его центробежную тенденцию, в декабре 1917 г. был создан первый советский орган по управлению хозяйством страны ВСНХ – **Высший совет народного хозяйства**.

Сложность заключалась в том, что буржуазное государство не имело функции управления хозяйством, а следовательно, и не было соответствующих органов. Надо было впервые создавать такие органы и вырабатывать методы государственного управления хозяйством. Но тут и сыграла свою роль особенность России, где на протяжении всей истории существовал большой государственный сектор хозяйства, государство регулировало хозяйственную жизнь, а во время войны функции государственного управления хозяйством усилились, и существовал бюрократический аппарат такого управления. И этот аппарат был теперь использован.

Сначала система государственного управления промышленностью строилась по образцу пирамидальной структуры советов, к которым она и была привязана: ВСНХ в центре и совнархозы на местах. Но оказалось, что управление промышленностью требует определенных знаний, компетенции, причем особых знаний по каждой отрасли. И тогда в состав ВСНХ под названием главков стали включать прежние, дореволюционные органы отраслевого управления, которые состояли из государственных чиновников и промышленников. Прежняя «Цент-

роткань» была переименована в «Центротекстиль», а «Расмеко» – Комитет по распределению металлов вошел в ВСНХ под прежним названием. Попадавшие сюда иностранцы обнаруживали в кабинетах ВСНХ тех же людей, с которыми они имели дело при прежней власти.

Создание государственного аппарата управления было шагом к национализации. Как известно, **национализация у нас была проведена в простейшей форме – простой конфискации без возмещения**. В. И. Ленин считал, что это не лучший способ национализации, что с национализацией вообще спешить не следует. Будет лучше, писал он, «если обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа». Это было бы лучше, потому что методов социалистического хозяйствования еще не существовало. Их предстояло еще вырабатывать, искать. А делать это было лучше не в условиях политической борьбы и разрухи. Капиталисты же могли действовать прежними капиталистическими методами.

Более того, широкая национализация первоначально не была частью большевистской программы. Она рассматривалась лишь как репрессивная мера при «особых обстоятельствах». Ленин разрабатывал теорию **«государственного капитализма»**, которая и должна была лечь в основу организации промышленности. Он восхищался централизованной государственной машиной управления хозяйством в Германии, созданной в военные годы, и увидел в России и Германии «две разрозненные половинки социализма»: в

России революция установила политический строй социализма, а в Германии была создана экономическая организация социализма.

По его проекту следовало путем соглашений с «капитанами промышленности», т. е. руководителями корпораций, образовать гигантские тресты, охватывающие целые отрасли промышленности, «которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий». Естественно, «капитаны» были «за». Например, известный глава концерна Стахеев в ответ на ленинскую идею предложил образовать металлургический трест, которым от имени государства должна была управлять его финансовая группа. Но эти теоретические построения были нереальны: **революция была социалистической, т. е. антибуржуазной, и логика ее развития требовала ликвидации буржуазной собственности**.

К тому же буржуазия не стремилась «культурно, организованно» переходить к социализму. Хозяева и администрация предприятий нередко бежали с советской территории, оставив предприятия без управления. В других случаях они действительно саботировали, явно или скрыто выступая против новых порядков. В подобной ситуации предприятие национализировалось в качестве репрессивной меры.

Первым в руки нового государства перешел Российский государственный банк. Это не было национализацией, поскольку он и прежде был государственным. Акционерные банки пока оставались в собственности прежних хозяев. Но поскольку логика революции требовала ликвидации капиталистической собственности, *декретом от 14 декабря 1917 г. были объявлены национализация всех банков в стране и государственная банковская монополия*. Принято считать, что это было ответом на саботаж администрации банков, которая нарушала соглашение с государством. В ходе национализации акционерные банки закрывались или становились отделениями Народного банка, как теперь стал называться бывший Государственный банк.

Вторым актом в деле национализации и стала **национализация транспорта, т. е. железных дорог, морского и речного флота**. Национализацию железных дорог облегчало то обстоятельство, что важнейшие дороги и прежде находились в государственной собственности. Правда, Викжель – Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников выступил против большевиков и объявил забастовку. Однако к лету 1918 г. национализация транспорта была закончена.

В ходе национализации промышленности можно выделить три этапа.

1-й этап – до весны 1918 г. Национализация на этом этапе шла стихийно. По разным причинам одно предприятие за другим переходило в собственность государства. Предприятия национализировались или потому, что были оставлены без управления хозяевами и администрацией, бежавшими от советской власти, или потому, что хозяева и администрация саботировали решения советской власти. На этом этапе предприятия национализировались в основном решениями рабочих комитетов. Они брали управление в свои руки, сообщали об этом в центр, а центр только подтверждал национализацию.

2-й этап – с марта по июнь 1918 г. Теперь национализация шла уже организованно, под руководством ВСНХ. От национализации отдельных предприятий государство перешло к национализации целых отраслей промышленности. В первую очередь было объявлено о национализации нефтяной и сахарной промышленности. Нефтяной – потому что в этой отрасли действовали тресты, наиболее высокоорганизованные монополии, аппарат которых можно было использовать для организации государственного управления. Сахарной – потому что она находилась преимущественно в руках помещиков, которым принадлежали посевы сахарной свеклы; и национализация этой промышленности непосредственно вытекала из Декрета о земле. Впрочем, эта национализация была преимущественно декларативной: основные районы нефтяной и сахарной промышленности находились вне сферы, контролируемой советской властью.

3-й этап начался в июне 1918 г., когда декретом была объявлена национализация всей крупной промышленности, т. е. всех предприятий с капиталом свыше 1 млн руб.

Издание декрета не означало, что все крупные предприятия сразу, автоматически перешли в руки государства. Советское государство тогда издавало именно декреты, а не законы. **Декрет – нечто среднее между законом и воззванием. Издавая декреты, государство не поручало их исполнение конкретным органам, поэтому их выполнение определялось конкретной расстановкой сил на местах.**

В апреле 1918 г. была объявлена **национализация внешней торговли**: отныне внешней торговлей могло заниматься только государство. Впрочем, в это время Советское государство находилось в экономической изоляции, его вообще не признавали как государство, поэтому декрет о национализации внешней торговли имел лишь принципиальное значение для будущего.

1.1.3. Предпосылки военного коммунизма

Война отрезала Украину, Сибирь, Урал, Кавказ. Эти районы давали 90 % добываемого в стране каменного угля, почти всю нефть, 85 % железной руды, 70 % стали, весь хлопок. В руках Советского государства оставался только центральный район, правда, район, наиболее насыщенный фабриками и заводами, но здесь не было топлива и сырья для этих заводов.

Началась **разруха**. Она проявлялась в катастрофическом сокращении промышленного производства. В 1920 г. было получено в восемь раз меньше промышленной продукции, чем в 1913 г. *Производительность труда, т. е. среднее количество продукции на рабочего, упала в четыре с лишним раза.* А это значит, что происходило не только количественное, но и качественное изменение – от машин возвращались к ручному труду.

Одной из главных трудностей было положение с топливом. Главные угольные и нефтяные районы, Донбасс и Кавказ, были отрезаны, поэтому пришлось переключаться на дрова и торф. Для населения была введена дровяная повинность: каждый трудоспособный человек должен был за полмесяца заготовить 2 кубических сажени – 16 кубометров. К лесам в спешном порядке проводились железные дороги.

Но дрова и торф пригодны не для всякого производства. На торфе нельзя плавить металл. В 1920 г. выплавка чугуна составила только 2,4 % довоенного уровня.

Без металла и топлива не могло действовать машиностроение. Большинство машиностроительных заводов было закрыто, в оставшихся действовали только отдельные цеха, в которых техника преимущественно ремонтировалась. Хлопчатобумажные фабрики прекратили работу, потому что не было хлопка.

В крайне тяжелом положении находился транспорт. Гражданская война шла в основном вдоль дорог. По железным дорогам шли военные эшелоны, а бронепоезда были одним из традиционных боевых средств. Но война разрушает. Из 70 тыс. верст железных дорог европейской России только 15 тыс. оставались неразрушенными, 60 % паровозов вышло из строя. Естественно, точные графики и расписания не соблюдались. Нередко поезд останавливался, и пассажиры выходили заготавливать топливо для паровоза – ломали окрестные заборы и сараи.

Особенно существенной стороной разрухи было то, что удельный вес крупной, фабрично-заводской промышленности сокращался: эти предприятия не могли действовать без налаженных связей, без регулярного поступления топлива и сырья. И по мере того, как они прекращали работу, все более преобладавшими становились мелкие, мелкотоварные, кустарные и полукустарные заведения.

Очевидно, **главной задачей в этих условиях стала мобилизация всех оставшихся ресурсов на нужды обороны. Это и стало главной целью политики военного коммунизма.** Но поскольку в условиях разрухи перестали действовать экономические регуляторы хозяйственной жизни – деньги, рынок, прибыль, материальная заинтересованность, их приходилось заменять принуждением, мерами административного, а не экономического порядка. Поэтому **политика военного коммунизма означала военную диктатуру с широким применением принудительных мер в хозяйстве.** Однако следует оговориться, что эта вынужденность мер составляла лишь одну сторону политики военного коммунизма. К полному определению этой политики мы еще вернемся.

1.1.4. Сельское хозяйство и продразверстка

Если в 1917 г. хлеба в стране было еще достаточно, то к 1922 г. посевные площади сократились более чем вдвое и значительно упала урожайность. По сравнению с предвоенными годами урожай 1920–1921 гг. уменьшился почти втрое. Вдвое сократилось поголовье скота. В результате нарушения товарооборота между городом и деревней сельское хозяйство стало натуральным, т. е. не производило товарной продукции. Получить продовольствие для города теперь стало возможно только путем принуждения.

Главной мерой военного коммунизма в деревне стала **продразверстка**: крестьяне должны были сдавать все продовольствие, за исключением необходимого для жизни минимума, сначала по твердой государственной цене, т. е. за номинальную плату, а потом и совсем бесплатно.

Правда, Наркомпрод в обмен на хлеб иногда отправлял в деревню промышленные товары, которые удавалось добыть, но их получали не те, кто сдавал хлеб: промтовары распределялись преимущественно среди бедняков.

Само название «продразверстка» отражает противоречивость этого понятия: разверстывалось то количество продовольствия, которое надо было заготовить, т. е. объем заготовок определялся не наличием товарных «излишков» у крестьян, а государственными потребностями. Естественно, для выполнения своей задачи продовольственные органы были вынуждены забирать у крестьян не только «излишки».

Продразверстка была введена с начала 1919 г.: беспорядочные поиски «излишков» продотрядами были заменены плановой системой, при которой количество хлеба, которое было минимально необходимо для армии и для рабочих, разверстывалось на сельские районы.

Комбеды были распущены, органами власти в деревне снова стали сельские советы. Дело в том, что комбеды, действуя в интересах только бедняков и объявляя врагами советской власти не только кулаков, но и середняков, направляли карательные действия против тех, кто производил хлеб, разрушали их хозяйства, тогда как сами бедняки продовольствия не производили, а только потребляли.

Правда, советы должны были действовать по классовому принципу, но когда приходило время сдавать «излишки», срабатывали уравнилельные рефлексy сельсого схода: вместо того чтобы возложить весь груз поборов на зажиточных крестьян, его распределяли пропорционально возможностям.

Планы хлебозаготовок регулярно срывались. В 1918 г., при комбедах, план заготовок был выполнен на 38 %. В 1920 г. он был выполнен на 34 %. Это и стало, пожалуй, основной причиной ликвидации комбедов.

Одной из причин было **«осереднячивание» деревни**, которое стало результатом перераспределения земли комбедами. Доля относительно крупных хозяйств с посевами свыше 8 десятин сократилась с 9 % в 1917 г. до 1,7 % в 1920 г., а доля хозяйств с посевами до 4 десятин увеличилась с 58 до 86 %. Мелкие хозяйства не только меньше производили, но и сами потребляли весь свой продукт, не производя излишков. У них нечего было взять. Таким образом, «осереднячивание» сокращало приток продовольствия в город.

Торговля продовольствием была запрещена, потому что она могла вестись лишь в обход разверстки: ведь всю товарную продукцию надо было сдать государству. Впрочем, запрещалась она и потому, что считалась важнейшей составной частью буржуазной экономики.

В программе партии 1919 г. провозглашалась **«замена торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»**.

Все продовольствие поступало в распоряжение Наркомпрода и распределялось в городах по карточкам. Но тогда еще не было сети государственных магазинов, да и снабжение продовольствием бесплатно или по номинальной цене не являлось торговлей, поэтому продукты и промтовары распределялись через потребительские кооперативы. Такие кооперативы при предприятиях еще во время Первой мировой войны закупали в деревнях продовольствие и распределяли среди своих членов. Теперь они были привязаны к советской административной машине и превращены в единую распределительную сеть. В 1919 г. специальным декретом вся кооперация была преобразована в распределительную организацию – **«потребительскую коммуну»**. При этом производственные кооперативы ликвидировались, а их имущество передавалось потребительским.

Впрочем, государство по карточкам могло обеспечивать людей лишь таким минимумом продуктов, который позволял не умереть от голода. Нормы были голодные. Самый высокий месячный паек, который полагался для рабочих военных заводов, составлял в среднем в месяц 10 кг муки, 1–2 кг крупы, 800 г сахара, 400 г жиров, 1–2 кг мяса. Но так как у государства не хватало продуктов, то официальная норма не обеспечивалась. Самые большие пайки получали рабочие военных заводов: 3–5 кг муки, половину положенного мяса и сахара (400 г сахара и 0,5–1 кг мяса), четверть жиров (100 г) в месяц. Остальные получали еще меньше. Контрастом общей нищете населения были привилегии партийных чиновников, которые могли позволить себе тропические фрукты, личные автомобили, содержать любовниц и т. д.

Из всех продуктов, поступавших в города, только 35–40 % проходило через государственную распределительную сеть. Остальную часть давали **«мешочники»**. Официально считалось, что это спекулянты-перекупщики, и репрессии против них были довольно суровые. В действительности же обычно это были горожане, которые ездили в деревню, чтобы обменять на продовольствие одежду, обувь, предметы собственного быта. Власть была вынуждена идти на уступки. В результате забастовки петроградских рабочих по их требованию рабочим было разрешено привозить из деревни мешки с продовольствием, но только не более полутора пудов.

После этого часть зарплаты рабочим стали выдавать промышленными товарами, которые производило предприятие, для обмена их на хлеб и картошку.

1.1.5. Военный коммунизм в промышленности

В промышленности **военный коммунизм означал полную национализацию, централизацию управления и внеэкономические методы хозяйствования.**

В 1918 г. дело закончилось национализацией крупных предприятий. Но с усилением разрухи эти крупные предприятия прекращали работу, их удельный вес уменьшался, и в 1920 г. они составляли только 1 % от всех зарегистрированных предприятий, и на них была занята только четверть рабочих страны.

В конце 1920 г. была объявлена национализация средних и мелких предприятий. В руки государства переходили все предприятия с механическим двигателем, на которых было занято более 5 рабочих, и заведения без механического двигателя, на которых трудилось более 10 рабочих. Таким образом, национализации подлежали теперь не только капиталистические предприятия, но и такие, которые Ленин относил к докапиталистической стадии простого товарного производства.

Для чего? Сами эти предприятия как производственные единицы государству не были нужны. Обычно этот акт национализации объясняется тем, что масса мелких предприятий создавала анархию, не поддавалась государственному учету и поглощала ресурсы, нужные для государственной промышленности. Очевидно, все-таки *решающую роль сыграло стремление к всеобщему учету и контролю, к тому, «чтобы все работало по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку»*, как требовал Ленин. В результате национализации мелкие заведения обычно закрывались. Впрочем, у властей было много других забот, и до национализации мелких заведений дело часто не доходило.

Другим проявлением военного коммунизма в промышленности была **строгая централизация управления, или система «главкизма»**. «Главкизма» – потому что все предприятия каждой отрасли подчинялись своему отраслевому главку – отделу ВСНХ. Но главное заключалось не в том, что предприятия подчинялись своим центральным органам, а в том, что все экономические отношения прекращались и использовались административные методы. Предприятия бесплатно получали от государства все необходимое для производства, бесплатно сдавали готовую продукцию. **Бесплатно, т. е. без денежных расчетов.** Рентабельность, себестоимость продукции теперь не имели значения.

Важным элементом военного коммунизма была **всеобщая трудовая повинность**. Она была провозглашена как закон еще в 1918 г., с появлением нового Кодекса законов о труде. **Труд теперь рассматривался не как товар, подлежащий продаже, а как форма служения государству, как обязательная повинность.** «Свобода труда» была объявлена буржуазным предрассудком. Буржуазным элементом объявлялась и заработная плата. «При системе пролетарской диктатуры, – писал Бухарин, – рабочий получает трудовой паек, а не заработную плату».

Эти теоретические положения были реализованы в январском декрете 1920 г., которым регламентировалась мобилизация населения на разного рода **трудовые повинности – топливную, дорожную, строительную** и др. Только на лесозаготовки в первой половине 1920 г. было мобилизовано 6 млн человек, тогда как рабочих в то время числилось около миллиона.

Сначала предполагалось, что принудительный труд будет применяться только к «буржуазным элементам», а для рабочих стимулом к труду будут классовое сознание и революционный энтузиазм. Однако от этой гипотезы вскоре пришлось отказаться.

Троцкий говорил: «Мы идем к труду общественно-нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, т. е. принудительного для каждого работника.

Это основа социализма». Троцкий в то время был одним из главных руководителей страны и выражал общие представления партии.

Уклонение от трудовой повинности считалось дезертирством и каралось по законам военного времени. В 1918 г. для нарушителей были организованы исправительно-трудовые лагеря, а для повинных в антисоветской деятельности – концентрационные.

Вариантом трудовой повинности были и трудовые армии: с прекращением военных действий военные формирования не распускались, а превращались в «трудовые», выполняя наиболее срочные работы, не требовавшие специальной квалификации.

1.2. План ГОЭЛРО и Г. М. Кржижановский

Война всегда требует больших расходов от государства. Между тем обычных источников государственных доходов больше не было. Налоги были отменены, пошлины в условиях экономической изоляции государства не собирались. Не могло быть теперь и иностранных займов. Поэтому **военные расходы покрывались «чрезвычайными» способами.**

Во-первых, это были **чрезвычайные налоги с буржуазии.** Строго говоря, это были не налоги, а просто конфискация государством сохранившихся у буржуазии ценностей: золота, серебра, драгоценных камней.

Во-вторых, расходы покрывались путем **бумажно-денежной эмиссии** – усиленного выпуска бумажных денег, которые, впрочем, теперь деньгами не считались и поэтому назывались «расчетными знаками». Количество таких денег за годы Гражданской войны, по явно преуменьшенным данным, увеличилось в 44 раза. Естественно, это вело к инфляции. К 1920 г. стоимость бумажного рубля упала в 13 000 раз по сравнению с уровнем 1913 г.

Это привело к тому, что деньги вообще вышли из обращения. **На рынке денежный обмен сменился натуральным.** Обменивали товар на товар, не желая продавать что-либо за деньги, и в связи с этим произошла **«натурализация» оплаты труда.** Обесценившиеся деньги не могли обеспечить жизнь рабочего, поэтому труд оплачивался натурой. В конце 1920 г. деньги составляли только 7 % заработной платы, а остальные 93 % составляла натуральная часть: продовольственные пайки, квартплата, коммунальные услуги (квартплата теперь не взималась) и т. п. В результате стала ненужной банковско-кредитная система и банки были закрыты.

Но политика военного коммунизма была не только вынужденной. **Это была попытка перейти к коммунистическим безденежным отношениям.** Ленин впоследствии писал, что это была попытка «непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране».

Советские теоретики считали тогда, что главное в переходе к новым отношениям – отказ от денег, ведь капитал – это деньги. Не будет денег – не будет и капитала. Поэтому инфляция – это даже хорошо: она разоружает капиталистов, лишает их капитала, основы их господства. И нормированное распределение продовольствия – тоже хорошо! – поровну и без денег. В этом видели основу будущего коммунистического распределения.

Война кончалась. На переходе к восстановлению хозяйства в феврале 1920 г. была создана Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) во главе с Г.М. Кржижановским. **План ГОЭЛРО** являлся планом не только электрификации, хоть задача электрификации страны и занимала в нем главное место, и даже не только планом восстановления хозяйства. **Это был план социалистической индустриализации,** построения хозяйственной базы нового общества, т. е. он намечал выполнение той задачи, ради которой и было создано новое государство. Ключом для преобразования хозяйства на новой основе должен был стать самый совершенный вид энергии – электричество. Ленин не случайно характеризовал план ГОЭЛРО как вторую программу партии – именно в таком преобразовании хозяйства заключалась теперь задача.

Программа должна была произвести огромное, вдохновляющее впечатление на современников. За 10–15 лет намечалось построить 30 крупных электростанций общей мощностью 1,5 млн кВт. На основе потока электроэнергии предполагалось не только реконструировать промышленность, но и создать условия для социалистической перестройки сельского хозяйства. За 10–15 лет планировалось восстановить довоенный уровень промышленности и уве-

личить, по сравнению с этим уровнем выпуск продукции тяжелой промышленности в 2 раза, а легкой – в 1,5 раза.

Утопист и фантаст Г. Уэллс, приехав в Россию и увидев разоренную страну, не мог поверить в реальность этого плана. Главу о своей встрече с Лениным он назвал «Кремлевский мечтатель». Он писал: «Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех утопистов, в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, в которой почти угасли торговля и промышленность».

План ГОЭЛРО не был таким планом-директивой, как последовавшие за ним пятилетки. Он определял лишь основные принципиальные направления развития.

1.3. Хозяйство страны в годы НЭПа

1.3.1. Предпосылки НЭПа

После окончания Гражданской войны Советское государство перешло от политики военного коммунизма к **новой экономической политике**. Разруха не могла прекратиться сама собой с окончанием войны. Самая низкая точка разрухи, самый низкий уровень производства приходился на 1921 г., когда война была уже закончена. Для прекращения разрухи и перехода к восстановлению хозяйства надо было изменить экономическую политику, потому что политика военного коммунизма имела совсем другие цели. **А какой должна быть эта новая экономическая политика, диктовалось конкретной обстановкой.**

1. Это диктовалось прежде всего *мелким, раздробленным, т. е. преимущественно докапиталистическим характером хозяйства*. Сельское хозяйство, в котором была занята большая часть населения страны, состояло из крестьянских хозяйств, т. е. находилось на докапиталистической стадии. В промышленности за годы Гражданской войны было разрушено в основном крупное фабрично-заводское производство и преобладали теперь мелкие кустарные и полукустарные заведения, т. е. заведения докапиталистического уровня. Эти мелкие хозяйства нельзя было национализировать, нельзя было использовать в качестве основы для подъема экономики. Надо было сначала перейти от этих мелких хозяйственных единиц к крупным предприятиям, т. е. сделать то, что обычно происходит при переходе к капитализму.

2. *Крестьяне были недовольны продразверсткой*. Это недовольство проявлялось в восстаниях в Тамбовской и Воронежской губерниях, в Поволжье и в Сибири. Вершиной этого недовольства был мятеж в Кронштадте.

Продразверстка лишала крестьян заинтересованности в производстве товарной продукции. В условиях продразверстки крестьянин был материально заинтересован лишь в том, чтобы производить минимум продукции, который был необходим для его собственного потребления, чтобы не отдавать хлеб городу. И насильственные меры здесь помочь уже не могли: у крестьянина нельзя было отобрать то, чего он не произвел.

3. *Государство было не в состоянии накормить рабочих*. Спасаясь от голода, рабочие уходили в деревню. В стране оставалось немногим больше 1 млн рабочих.

Все это и определяло содержание новой экономической политики. *Это была политика восстановления товарооборота между городом и деревней, а следовательно, политика восстановления товарно-денежных отношений вообще. А восстановление товарно-денежных, т. е. экономических отношений, требовало, в свою очередь, перехода от административных к экономическим методам хозяйствования.*

Это была политика использования буржуазных элементов в экономике для восстановления и развития хозяйства. Почему было необходимо использовать эти буржуазные элементы? Потому что каждому уровню производительных сил соответствуют свои производственные отношения, и если производительные силы находятся на докапиталистическом уровне, то нельзя «внедрить» в них социалистические отношения. Надо сначала поднять, подтянуть производительные силы до уровня развитого капитализма, а уже потом можно переходить к социализму. А чтобы поднять, надо использовать капиталистические отношения, соответствующие этим производительным силам.

Следует заметить, что **интерпретация нэпа постепенно менялась**. Вначале нэп рассматривался только как временная уступка, временное и вынужденное отступление перед капитализмом; не предполагалось восстановление товарно-денежных отношений. Восстановлены они были лишь под давлением экономического процесса. «Кооперация мелких хозяй-

чиков» рассматривалась лишь как разновидность капитализма. Идеалом оставалась работа в едином государственном хозяйстве «по одному общему плану» и «по общему распорядку». Активную силу страны составляли люди, воспитанные Гражданской войной, и методы принуждения им казались естественными и для мирного строительства.

Существенно изменились представления руководителей большевистской партии о путях строительства социализма. Многие из них писали теперь, что надо учиться торговать, что социализм – это американская техника и организация трестов, что **социализм – это государственный капитализм, обращенный на пользу всего народа; что «строй цивилизованных кооператоров – это есть строй социализма», что изменение взглядов на кооперацию означает «коренную перемену всей точки зрения на социализм».** Нэп теперь рассматривался не как вынужденное отступление перед капитализмом, а как путь строительства социализма через торговлю, хозрасчет, кооперацию. В этом новом социализме находили место не только торговля и кооперация, но даже промышленные корпорации типа капиталистических монополий.

1.3.2. Восстановление сельского хозяйства. Кооперативный план

Решающим актом перехода к нэпу стала **замена продразверстки продналогом**, т. е. налогом продуктами сельского хозяйства. По объему продналог был меньше разверстки, он охватывал до 20 % сельскохозяйственной продукции. У крестьянина появлялся стимул к расширению производства; уплатив налог продуктами своего хозяйства, остальную часть товарной продукции он мог пустить в продажу. Продналог – компромиссная, временная мера – вводился лишь потому, что промышленность еще не была восстановлена и государство не могло дать крестьянину за весь необходимый хлеб продукты промышленности. Продналог составлял минимально необходимое для армии и для рабочих количество хлеба, а остальное должно было обмениваться на продукты промышленности.

Это решение о переходе к продналогу, принятое весной 1921 г., повлекло за собой и все остальные элементы нэпа.

Восстановление сельского хозяйства было тогда первоочередной задачей, которую необходимо было решить для восстановления промышленности: без хлеба рабочие не могли работать, поэтому для перехода к восстановлению промышленности надо было сначала получить продовольствие.

Сельское хозяйство не находилось в руках государства, поэтому прямое руководство восстановлением миллионов крестьянских хозяйств было невозможно. Государство было вынуждено лишь стимулировать этот процесс различными, преимущественно экономическими мерами. Сама экстремальность ситуации заставляла отказываться от административных методов.

К числу этих мер следует отнести сам переход к продналогу. Но в этом заключалось и противоречие. Переход от продразверстки к продналогу, конечно, повышал заинтересованность крестьян в расширении своего хозяйства и увеличении производства товарной продукции, но только до известных пределов. *Продналог взимался по классовому принципу: очень мало с бедняков и очень много с кулаков. Поскольку к кулакам относили тех «культурных хозяев» (по выражению Н. И. Бухарина), которые становились на фермерский путь, т. е. переходили к товарному хозяйству и старались дать стране максимум товарной продукции, то и продналог тормозил рост товарности сельского хозяйства, хоть и в меньшей степени, чем разверстка.*

Государство стимулировало подъем сельского хозяйства также первоочередным восстановлением производства промышленных товаров для деревни, в том числе сельскохозяйствен-

ного инвентаря и машин, а также закупкой таких товаров за границей. Конечно, снабжение деревни инвентарем и машинами способствовало восстановлению сельского хозяйства, но главное заключалось не в этом. Получить эти товары крестьяне могли лишь в обмен на свою продукцию, т. е. для их получения должны были сначала произвести эту продукцию. Иными словами, **первоочередное восстановление производства товаров для деревни** было первым шагом в восстановлении товарооборота между городом и деревней.

Государство помогало деревне также агротехнической пропагандой: в деревню направлялись агрономы и зоотехники, для крестьян устраивались агротехнические курсы. В 1923 г. в Москве была открыта Всероссийская сельскохозяйственная и промышленно-кустарная выставка (будущая ВДНХ).

Но главным направлением государственной политики в деревне в это время было содействие кооперированию крестьян.

В чем заключалась сущность кооперативного плана? Крестьянство – это класс феодального общества. Чтобы перейти к социализму, оно должно пройти через капитализм, т. е. через расслоение на сельский пролетариат и сельскую буржуазию. В результате возникнут крупные капиталистические хозяйства, которые потом можно будет превратить в социалистические. И этого стихийного пути развития сельского хозяйства не могла остановить даже классовая политика советской власти – помощь беднякам и действия против кулаков. К 1925 г. 30 % крестьян не имели рабочего скота, а 38 % составляли крестьяне с посевом менее 2 десятин и без посева. Кулаки, по расчетам того времени, составляли 6–7%.

При разработке кооперативного плана были использованы труды А. В. Чаянова, крупного специалиста по вопросам кооперативного движения. В основе плана лежало использование материальной заинтересованности крестьян. Крестьяне заинтересованы в том, чтобы производить для продажи больше продукции, выгодно и без хлопот продавать эту продукцию, покупать в обмен промышленные товары, в том числе сельскохозяйственную технику. Но для этого надо было еще объединиться в кооператив, чтобы не ездить торговать в город поодиночке, конкурируя между собой, а сбывать продукцию через кооператив и через кооператив же закупать необходимые промышленные товары. Машины крестьянину не по карману, но можно объединиться в машинный кооператив, в складчину, и, получив кредит, купить машины и сообща их использовать. В районе, который специализируется на молочном животноводстве, имеет смысл на паевых началах построить заведение по переработке молока и изготовлению сыра, что тоже не по силам отдельному крестьянину.

Постепенно таким образом можно прийти и до объединения кооперативными связями всех хозяйств.

Именно с таких кооперативов – сбытовых, потребительских, машинных – и началось кооперирование в годы нэпа. В эти кооперативы объединялись, естественно, относительно зажиточные крестьяне, те, которые производили товарную продукцию. Входившие в них крестьянские хозяйства создавались единоличниками, следовательно, не было еще здесь обобществления средств производства, лишь некоторые средства производства (машины, сыроварни и т. п.) оказывались здесь в общей собственности.

Бедняки, которые не производили товарной продукции (да и себя не могли полностью обеспечить), в таких кооперативах участвовать не могли. Они объединялись в производственные кооперативы, которые принято было называть коллективными хозяйствами, колхозами, а не кооперативами, и которые противопоставлялись кооперативам. Было три вида колхозов: коммуны, артели и ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). О коммунах мы уже говорили, в артелях обобществлялись основные средства производства, а в ТОЗах даже сохранялась частная собственность на эти средства, объединялся только труд. Однако колхозы и совхозы, хотя и пользовались особыми льготами и получали существенную помощь от государства, давали лишь около 1,5 % сельскохозяйственной продукции.

В кооперативах в 1925 г. состояли около 1/4 крестьян, а в 1928 г. – 55 %. Кооперативы играли главную роль в восстановлении товарооборота между городом и деревней. Уже в 1925 г. кооперативный товарооборот составлял 44,5 % розничного товарооборота страны. В районах специализированного сельского хозяйства – льноводческих, свеклосахарных, молочного животноводства – кооперация охватила подавляющее большинство крестьян.

Крестьянские кооперативы стали объединяться в отраслевые организации. Появились Хлебоцентр, Льноцентр, Плодоовощсоюз, Маслоцентр и др. Они объединяли сбыт и снабжение кооперативов в масштабе страны, организовывали кредит и защищали интересы кооператоров.

Рост сельскохозяйственного производства после войны начался не сразу. В 1921 г. ослабленную войной страну постигла засуха. В большинстве хлебных губерний хлеб погиб. Сократилось поголовье скота. Миллионы людей умирали от голода. В следующем году хозяйство еще не оправилось от природного бедствия. Только с 1923 г., года очень урожайного, сельское хозяйство пошло на подъем. *В 1925 г. сельскохозяйственной продукции было получено на 12 % больше, чем в 1913 г., в том числе в земледелии на 7 % и в животноводстве на 21 %.* Хлеба в стране теперь производилось на 11 % больше, чем в предвоенные годы. Превысило довоенный уровень и поголовье скота.

Однако узким местом восстановленного сельского хозяйства была его **низкая товарность**. Ведь до революции основную массу хлеба на рынок давали кулаки и помещики, а крестьяне вели преимущественно натуральное хозяйство. Поэтому простое восстановление крестьянского хозяйства не могло решить проблему снабжения города. Низкая товарность проявлялась и в том, что в земледелии изменялась доля отдельных культур. По сравнению с довоенным периодом увеличились площади под картофелем и рожью, сократилась доля земли под пшеницей, хлопком, льном, сахарной свеклой. *Иными словами, уменьшилась доля товарных культур, увеличилась доля грубых продовольственных культур, которые обеспечивали жизнь крестьянской семьи.*

1.3.3. Торговля и финансы

В период военного коммунизма торговля была запрещена. И при переходе к нэпу вначале не предполагалось возвращаться к торговле, товарно-денежным отношениям. Вместо торговли на переходе к нэпу предполагалось наладить *«социалистический продуктообмен»*, т. е. *безденежный обмен товарами между городом и деревней с дальнейшим безденежным нормированным распределением этих продуктов*. То, что не удалось установить «коммунистическое распределение», по нынешним представлениям вполне закономерно. Продуктообмен провалился не потому, что рано еще было переходить к коммунистическим отношениям, а лишь потому, что капиталистический рынок все еще оставался «сильнее нас». Государство пока еще печатало не деньги, а «расчетные знаки», чтобы подчеркнуть их отличие от денег, свойственных буржуазному обществу.

Но поскольку не предполагалось возвращаться к торговле и государство к этому не готовилось, то именно в сфере торговли частный капитал завоевывал наиболее сильные позиции. В разгар нэпа в руках капиталистов находилось 75 % розничной торговли, и только в 1925 г. удельный вес капиталистического сектора торговли понизился до 43 %. А всего в это время были **три сектора в торговле – капиталистический, кооперативный и государственный**, и на втором месте за капиталистическим шел кооперативный сектор. Именно кооператоры, а не государство вытесняли капиталистов из сферы торговли.

Естественно, в это время цены на рынке складывались в зависимости от соотношения спроса и предложения. Эта рыночная стихийность стала одной из причин кризиса сбыта в 1923 г. В 1923 г. был принят первый перспективный план развития промышленности на 1923–

1928 г., была сделана первая попытка перейти к индустриализации. Простейшим способом получить накопления крестьян для индустриализации было повышение цен на промышленные товары для деревни. Хозяйственники получили рекомендацию повышать цены на промышленные товары. *Промышленность, объединенная уже в синдикаты, могла диктовать цены рынку.* И за несколько месяцев 1923 г. цены выросли в два с лишним раза, а цены на сельскохозяйственную продукцию в это время, наоборот, упали: 1923 г. был урожайным. Произошло расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, так называемые **«ножницы цен»**.

Чтобы купить плуг, в 1913 г. надо было продать 10 пудов ржи, в 1923 г. - 36 пудов. В некоторых губерниях, чтобы купить пару сапог, крестьянин должен был продать 44 пуда муки. Но крестьяне не стали покупать товары по этим вздутым ценам, и вместо высоких прибылей и быстрых накоплений началось затоваривание: товары лежали на складах; заводы, не имея выручки, останавливались. *Таким образом, кризис 1923 г. был следствием первой попытки перехода к индустриализации, попытки реализации плана «сверхиндустриализации» Троцкого.*

В первые годы нэпа инфляция продолжалась. В 1922 г. 100 тыс. рублей совзнаками стоили 1 довоенную копейку. Но когда стало очевидным, что без торговли не обойтись, потребовалась **денежная реформа**: без денег торговать нельзя. Такая реформа обычно проводится одновременно: старые деньги объявляются недействительными и обмениваются на новые. Но размеры инфляции не позволяли провести реформу таким образом. Сначала в 1922 г. было пущено в обращение лишь ограниченное количество новых денег. Эти новые деньги стали называть **червонцами**, для отличия от прежних, что не совсем правильно: червонцем принято называть купюру в 10 рублей, а новые деньги были разного достоинства. Они были обеспечены драгоценными металлами. Более того, чеканились монеты из серебра, золота и даже платины, причем бумажные купюры разменивались на металлическую монету, что, естественно, подтверждало их ценность для населения. **Эти деньги были конвертируемыми: они свободно обменивались на основные иностранные валюты по довоенному курсу царского рубля (1 американский доллар равен 1,94 рубля).**

И с 1922 по 1924 г. **в обращении были деньги двух видов**: старые совзнаки, которые все более обесценивались, и новые, имевшие твердый курс. Только в 1924 г. совзнаки вышли из обращения.

С восстановлением денег были восстановлены и кредитные учреждения. В 1921 г. снова открылся **Госбанк**, а в 1922–1925 гг. возник ряд специализированных банков: **акционерные** – для кредитования разных отраслей хозяйства, **кооперативные** – для предоставления кредитов потребительской кооперации, **общества взаимного кредита** – для кредитования частной промышленности и торговли, сберкассы. Пайщиками банков были синдикаты, кооперативы и частные лица. Банки уже начали конкурировать между собой, стараясь привлечь депозиты через повышение процента и перехватить клиентов выгодными условиями кредита. В 1926 г. действовали уже более 60 банков.

Таким образом, к 1926 г. в стране не только было восстановлено хозяйство после страшной разрухи, но и сложились благоприятные условия для дальнейшего развития. Действовали рыночные отношения, стимулировавшие развитие производства. Наряду с государственными предприятиями, вполне успешно приспособившимися к условиям рынка, в хозяйственной жизни участвовали капиталистические предприятия, кооперативы, а крестьянство все более вовлекалось в кооперативные объединения.

1.3.4 Ленин и кооперативное движение – упущенные возможности

Особенности современного состояния кооперативной формы хозяйствования в нашей стране во многом определяются теми представлениями о ней, которые сложились не только у экономистов, социологов, историков, юристов, но и в обыденном сознании людей за прошедшие после революции десятилетия. Значительное влияние на эти представления оказало и оказывает ленинское наследие, посвященное кооперации.

Возрождение кооперативов и кооперативной собственности как экономического отношения, равноправного с другими формами собственности невозможно без взвешенного и критического пересмотра сложившихся теоретических представлений о кооперативной собственности и в первую очередь идеализированной оценки ленинских работ по вопросам кооперации как особого учения.

Отношение В. И. Ленина к кооперации в короткий, но насыщенный событиями период с конца 1917 г. до начала 1923 г. было далеко не однозначным и заранее predetermined. Его подход к социально-экономическим функциям кооперации, видам и направлениям развития определялся не только объективной обстановкой, конкретными экономическими условиями и задачами, стоявшими в данный исторический момент, но и изменением самих представлений о кооперации.

В этой связи можно выделить два этапа в развитии взглядов В. И. Ленина на социально-экономические функции и место кооперации. Первый – период Гражданской войны (1918–1921 гг.); второй – начало новой экономической политики (1921–1923 гг.).

До революции и на определенном историческом отрезке времени после нее Ленин исходил из теоретического представления о социалистическом обществе как едином потребительном обществе с планомерно-организованным производством для потребления. Анализ ленинских работ – статей, материалов, выступлений – за период с 1918 по начало 1920 г., посвященных вопросам кооперации, подтверждает это документально. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Март 1918 г. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» подчеркивается: «Кооператив если он охватывает общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм».

Здесь же В. И. Ленин говорит о необходимости «найти практически осуществимые, удобные, подходящие для нас формы перехода от частых, раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу»¹.

Декабрь 1918 г. В речи на III съезде рабочей кооперации В. И. Ленин отмечает: «Все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся – такова задача победы социализма»².

Март 1919 г. В проекте программы РКП(б) ставится задача: «...чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику кооператив»³.

2 февраля 1920 г. В. И. Ленин на первой сессии ВЦИК VII созыва говорит: «...мы можем сказать с уверенностью, что вся Советская республика может быть, через несколько недель,

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 162.

² Там же. Т. 37. С. 356.

³ Там же. Т. 38. С. 121.

а может быть, через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся»⁴.

Что же понимал Ленин под единым кооперативом в данном контексте и можно ли утверждать, что здесь речь идет о кооперативе в прямом смысле этого слова – добровольном объединении людей с целью осуществления определенной экономической деятельности, на основе личного материального участия, самостоятельности и самоуправления?

Объективно для развития кооперативного движения в обществе необходимы определенные социально-экономические предпосылки: достаточно высокий уровень развития товарного производства и наличие соответствующих демократических свобод. Все эти предпосылки в годы, предшествующие революции, были налицо, что и обусловило быстрое развитие кооперативов России в период после 1905 г. Однако Первая мировая война подорвала производительные силы страны, поставив народное хозяйство на грань экономической катастрофы. К октябрю 1917 г. бумажный рубль уже обесценился почти в 15 раз. После революции в результате острой нехватки продовольствия и других товаров, а также непрерывной эмиссии и стремительного роста цен стоимость необходимого для поддержания жизни и работоспособности человека пищевого пайка на рынке удваивалась примерно каждые два месяца⁵.

В сложившихся условиях нормальное осуществление хозяйственной деятельности кооперативных организаций в сферах распределения, обмена и потребления оказалось практически невозможным. Однако аппарат, который создала российская кооперация: материально-техническая база и служащие, можно было использовать в экономической жизни страны.

Учитывая объективную обстановку, Ленин ставит вопрос о способе использования этого аппарата для организаций заготовки и распределения продуктов среди населения.

В первую очередь был организован жесткий централизованный контроль за распределением продуктов и предметов первой необходимости в масштабах всей страны. Советское правительство устанавливает государственную монополию на основные продукты питания (хлеб, чай, соль, сахар). Заготовка всех продуктов могла производиться исключительно органами Наркомпрода по твердым ценам. Частью комплекса мероприятий, который получил название политики военного коммунизма, явилось и включение всех кооперативных организаций в сфере распределения, обмена и потребления в единую государственную систему распределения.

Декретом Совнаркома от 14 декабря 1918 г. Московский народный банк, осуществлявший кредитование кооперативов, был национализирован и весь его актив и пассив перешел в Народный банк РСФСР⁶.

В начале февраля 1919 г. В. И. Лениным было подготовлено письмо для наркоматов продовольствия, финансов и ВСНХ «О мерах перехода от «буржуазно-кооперативного к пролетарско-коммунистическому распределению». В нем прямо ставится задача превращения кооперации в коммуну. «Вся трудность задачи (и все содержание настоящей, немедленно перед нами стоящей задачи), – подчеркивал В. И. Ленин, – состоит в том, чтобы выработать систему практических мер перехода от старой кооперации (по необходимости буржуазной, поскольку выделяется слой пайщиков, составляющих меньшинство населения, а также по другим причинам) к новой и к настоящей коммуне»⁷.

Эти указания нашли отражение в Декрете Совнаркома «О потребительских коммунах» (16 марта 1919 г.), который предусматривал принудительное объединение всех имею-

⁴ Там же. Т. 40. С. 102–103.

⁵ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 101.

⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. М., 1957. Т. 1. С. 30.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 471–472.

щихся в городах и деревнях кооперативов в одну потребительскую коммуну. В нее входило все поголовно население данной местности: каждый гражданин обязан был немедленно стать членом коммуны и приписаться к одному из распределительных пунктов; неприписавшиеся лишались права на получение продуктов по карточкам. Вступительные взносы и паи отменяются. Все местные потребительские коммуны объединялись в губернские союзы, единым центром всех союзов являлся Центросоюз.

Таким образом, анализ ленинских работ и выступлений по вопросам использования кооперации в сфере распределения, обмена и потребления (кредитных, сбытовых, потребительских) в период с конца 1917 г. по 1920 г. позволяет сделать вывод, что под общегосударственным кооперативом В. И. Ленин имел в виду обязательное объединение всего населения страны в единую, сверху донизу охватывающую всю страну коммуну для осуществления строжайшего централизованного учета и контроля над движением продуктов и предметов первой необходимости в соответствии с классовым (пролетарским) принципом распределения.

Вопрос об использовании кооперации как формы хозяйствования, действующей в сферах распределения, обмена и потребления на основе присущих ей социальных принципов, в годы Гражданской войны не стоял вообще.

Употребление В.И. Лениным в этот период понятия «кооперация» («кооперативы») применительно к осуществляемым в централизованном порядке процессам снабжения и распределения требует специального уточнения. В контексте ленинских работ речь идет об использовании не кооперации как формы хозяйствования, а кооперативного аппарата: материально-технической базы (сеть складов, лавок, предприятий), персонала служащих.

В. И. Ленин неоднократно это отмечал в своих работах и выступлениях, формулируя как основную цель новой власти в отношении кооперативных организаций. Необходимо, чтобы коммунисты использовали свои силы для организационной работы и «...технически воспользовались тем аппаратом, который подготовлен к этой работе – кооперативным аппаратом»*. В лично отредактированном В. И. Лениным Декрете Совнаркома «Об объединении всех видов кооперативных организаций» (27–29 января 1920 г.), с принятием которого практическое упразднение кооперации было оформлено юридически, ее кадры и материальная база признается лучшим техническим аппаратом для осуществления государственных задач в области распределения и отчасти заготовок.

Принципиально по-иному подходит В. И. Ленин к кооперативам в сфере производства, прежде всего в сельском хозяйстве.

Одновременно с разработкой вопросов об использовании технического аппарата потребительской кооперации, в деле организации централизованного нормированного распределения продуктов В. И. Ленин ставит вопрос о необходимости развития форм производственной кооперации в деревне. В кооперировании крестьянских хозяйств, позволяющем перейти к общественной обработке земли, он видит единственное средство поднять сельскохозяйственное производство в разоренной многомиллионной крестьянской стране.

Опыт далеко не всегда добровольного образования коллективных крестьянских хозяйств в первый послеоктябрьский год позволил В. И. Ленину осознать важнейшее с точки зрения возникновения кооперативов положение: реальное кооперирование может развиваться только при условии, если в экономической необходимости и целесообразности объединения средств и усилий для совместного производства убедятся сами крестьяне. Это положение обосновано в ряде работ, но наиболее четко оно прозвучало в докладе о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Отметив, что государство поощряет коллективные хозяйства, Ленин подчеркнул, что «они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянства; необходимо учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать». Неоднократно и категорически подчеркивается требование соблюдать принцип добровольности и личной материальной заинтересованности крестьян при объединении в кооперативы В

написанной Лениным резолюции VIII съезда РКП(б) «Об отношении к крестьянству» отмечалось: «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике»*.

Аналогичные с сельскохозяйственной кооперацией принципы образования распространялись и на промысловую кооперацию.

В этот период была разработана система мер, направленных на развитие кустарно-промысловой кооперации. 24 апреля 1919 г. ВЦИК утвердил Декрет «О мерах содействия кустарной промышленности», лично отредактированный В. И. Лениным. Декрет устанавливал, что предприятия кустарной и ремесленной промышленности не подлежат национализации и конфискации. Кустарям и их кооперативам разрешалась свободная продажа изделий своего производства. Местным властям приписывалась обязанность оказывать всяческое содействие кустарям и ремесленникам в деле организации производственных артелей. Декрет был направлен на развитие промысловой кооперации, которая до революции была в России в зачаточном состоянии.

Прослеживающиеся в работах В. И. Ленина попытки создать в годы Гражданской войны условия для того, чтобы сельскохозяйственная и промысловая виды кооперации строились на принципах свободного выбора организационных форм, в наибольшей степени соответствовали социальной основе корпорации, ее самостоятельной природе. Однако дальнейшее усиление политики «военного коммунизма» практически исключало возможность реального развития сельскохозяйственной и промысловой кооперации в соответствии с присущими ей принципами. Продовольственная разверстка, государственное нормированное распределение и сметное снабжение, свертывание товарного производства подрывали материальное стимулирование производства вообще, а в кооперативных объединениях особенно. Деятельность последних могла строиться только на личной материальной заинтересованности и участии членов в делах кооперативов.

Материалы, посвященные вопросам кооперации в период до перехода к новой экономической политике, убеждают в неоднозначности подхода Ленина к различным видам кооперации: если в сферах обмена, распределения и потребления деятельность кооперации была решительно свернута, а объекты ее собственности конфискованы, то применительно к производственной кооперации делалось все возможное в тех условиях для ее развития. Противоречивость такого подхода вполне определенно свидетельствует о том, что в это время у В. И. Ленина не сформировалось представление о кооперации как едином социальном явлении, органически взаимосвязанные элементы которого, независимо от конкретной сферы деятельности, могут развиваться только при условии постоянной реализации основополагающих принципов кооперации: добровольности, материального участия и самоуправления.

Экономическое состояние кооперации в 1921–1922 гг. характеризовалось авторами тех лет как кризисное. Товарные обороты сельскохозяйственной кооперации были ничтожны и едва оправдывали содержание аппарата, а промысловая кооперация целиком существовала за счет государственных заказов и авансов, так и не выполнив возлагавшейся на нее задачи дополнить продукцией своего производства хотя бы половину того, что не добавит рынку государственная промышленность. Что же касается потребительской кооперации, то ее товарооборот за 1921 г. определялся как 5 % товарного и денежного оборота той части населения страны, которая удовлетворяла свои потребности на рынке⁸.

Внимательно следит Ленин за практическими шагами, направленными на развитие кооперативов, постоянно интересуется экономической информацией, выясняет особенности и возможности кооперации в активизации хозяйственных процессов. Требуется изучать опыт

⁸ Илимский-Кутузов Дм. Кризис кооперации. М., 1922. С. 6. См. также: Хейсин М. Л. История кооперации в России. Л., 1926. С. 323.

на местах, освещать его в прессе, делать конкретные предложения и предоставлять материалы, направленные на развитие кооперативного хозяйствования. Главное в вопросе о кооперации сегодня – «изучение и оценка практического опыта: как кооперировать?...»⁹ Такая постановка, во-первых, показывает, что опыт периода «военного коммунизма» не прошел даром. Надо было искать новые формы объединения трудящихся, прямо противоположные принудительным методам объединения в коммуны. Во-вторых, сам по себе вопрос «как кооперировать» у теоретика кооперации возникнуть не мог. Совершенно очевидно, что Ленин имел самое общее, как и всякий образованный человек того времени, представление о том, что такое кооперативы и каковы социально-экономические принципы их образования. Ни о каких серьезных знаниях в области кооперации здесь говорить не приходится.

18 марта 1922 г. В. И. Ленин подготавливает предложения о кооперации. В них впервые после революции ставится вопрос о частичном восстановлении социально-экономических принципов кооперации, лежащих в её основе: 1. Добровольное материальное участие (паевые и др. взносы); 2. Необходимость отчисления дохода на пай. К вышеперечисленным признакам добавляется ещё один: «Члены кооперации – все. Это нам нужно для будущего. Чему это мешает, не видно»¹⁰. Противоречивость подхода к кооперации опять налицо. Восстанавливая принцип материального участия членов в делах своего кооператива (без чего невозможна его хозяйственная деятельность), Ленин не понимает необходимости восстановления главного принципа кооператива как общественной организации – добровольности вступления в кооператив. Он считал целесообразным сохранить обязательную приписку граждан к потребительским обществам, что прямо противоречит социальной природе кооперативных объединений.

Противоречие, имевшееся у В. И. Ленина, не помешало ему понять и обосновать функции государства в отношении кооперации, необходимости создания условий для ее развития, привлечения в кооперативные объединения широких слоев трудящихся. Он выделяет два основных условия, без которых возрождение кооперации будет невозможно.

Во-первых, всемерная поддержка государством кооперативных объединений трудящихся путем установления ряда, соответствующих экономических, финансовых и банковских привилегий. «...Под этой поддержкой, – отмечает В. И. Ленин, – надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения».

Во-вторых, определенное (объективно необходимое для развития кооперативных отношений) повышение материального и культурного уровня жизни населения. Без достаточной степени материальной обеспеченности людей от голода и неурожая, без развития культуры и образования широкого кооперирования населения не достигнуть. И если вопрос об экономической помощи и финансовых льготах, необходимых для становления кооперации, мог быть решен сравнительно быстро, то задача повышения материального и культурного уровня жизни людей в разоренной Гражданской войной стране требовала больших усилий и определенного времени. «Для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет целая историческая эпоха...»¹¹.

Особенность ленинского подхода к кооперации в период новой экономической политики состоит в том, что, во-первых, он приходит к пониманию, что социальные принципы кооперации едины для всех видов кооперативов и должны использоваться для развития кооперации в целом, а не только применительно к производственной кооперации (сельскохозяйственной и промысловой), как это было в обстановке Гражданской войны. Различные виды кооперации рассматриваются теперь в их тесной взаимосвязи как единая форма хозяйствования, которую

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 46.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 54.

¹¹ Ленин В. И. Т. 45. С. 371–372.

необходимо возрождать не только в сфере производства, но и сферах обмена, распределения и потребления. Во-вторых, что самое главное, именно в этот период обосновывается необходимость перехода от использования кооперативного аппарата как технического средства распределения продуктов по карточкам к возрождению кооперации как формы хозяйствования, органически присущей современному уровню развития производительных сил страны.

Как видим, во взглядах В. И. Ленина на роль и место кооперации после Гражданской войны происходят существенные изменения. Он приходит к выводу, что экономическое становление социалистического общества связано с функционированием не только государственных, но и негосударственных организаций, разграничением их экономических функций, развитием кооперации как самостоятельной формы хозяйствования с присущими ей внутренними принципами деятельности.

В этом, пожалуй, и состоит новый подход В. И. Ленина к оценке кооперации и ее функций в народном хозяйстве страны после революции. Но само по себе осознание В. И. Лениным необходимости возрождения кооперации на основе ее внутренних сторон и связей не может рассматриваться как вклад в теорию кооперации. Последняя и до революции могла развиваться только исходя из своей общественной природы. Принципы кооперативных объединений родились как результат деятельности самих рядовых кооператоров, обобщения опыта развития кооперативного движения во всем мире. В этом смысле В. И. Ленин не внес ничего нового в теорию кооперации. Тем более нет серьезных оснований рассматривать ленинские работы, посвященные вопросам использования кооперации, как самостоятельное учение о кооперации.

Что действительно принадлежит В. И. Ленину, так это то, что он первый или один из первых среди руководителей нового государства не только сумел осознать необходимость пересмотра распространенного среди марксистов представления о социализме как единой производственной и потребительской коммуне, но и попытался обосновать конкретные формы перехода от социализма-коммуны к социализму, основанному на широкой самостоятельности трудящихся во всех сферах жизни общества. Кооперация как раз и является одной из таких экономических форм.

Вместе с тем объективные условия последних лет жизни В. И. Ленина – Гражданская война, болезнь – не позволили до конца преодолеть глубоко укоренившийся еще задолго до революции у большинства марксистов взгляд на социалистическое общество как единую в смысле производства и распределения коммуну, исключающую возможность развития многообразных форм собственности. Этим, видимо, объясняется неоднократно повторившийся в статье «О кооперации» акцент на то, что все средства производства в условиях социализма находятся в собственности государства. Двойственность ленинского подхода к кооперации проявлялась в том, что, с одной стороны, он рассматривал кооперативные предприятия как самостоятельный, отличный от государственного тип (вид) предприятий, с другой – считал, что кооперативные предприятия должны основываться на средствах производства, принадлежащих государству*.

История показала, что кооперативные объединения нормально развиваются, лишь имея необходимые для своей деятельности материальные и финансовые ресурсы, которые являются их собственностью. Без соответствующих объектов собственности (в том числе и средств производства) кооперативы как хозяйственные организации существовать не могут. Абсолютизация государственной собственности, недооценка и игнорирование возможностей развития других форм собственности дорого обошлись нашей стране. Незавершенность ленинской оценки кооперации, отсутствие четкой, проясняющей ситуацию позиции отрицательно повлияли на дальнейшее развитие кооперативной теории. Последняя, в свою очередь, превратилась в наукообразную основу для целенаправленной антикооперативной политики, которая проводилась весь последующий период и дает о себе знать до сих пор.

1.4. Хозяйство страны в годы довоенных пятилеток

1.4.1. Социалистическая индустриализация. Проблема накоплений и переход к административным методам

После восстановления хозяйства встала задача строительства социалистической экономики, задача социалистической реконструкции, та задача, решением которой и предполагалось снять противоречие свершения социалистической революции «в мелкокрестьянской стране». **Социалистическая реконструкция состояла в основном из двух процессов – индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.**

Индустриализация – создание фабрично-заводской промышленности в России – началась в XIX в., а в начале XX в. Россия по развитию промышленности занимала пятое место в мире и по ряду показателей развития промышленности была на первом. *Для чего была нужна дополнительная, социалистическая индустриализация?*

Во-первых, Россия была аграрной страной. В промышленности было занято только 10 % населения. **Стояла задача превратить аграрную страну в индустриальную**, чтобы промышленность стала главной отраслью ее хозяйства. Таким образом, это была утилитарная задача, решать которую надо было независимо от социального устройства общества.

Во-вторых, в России (не только вследствие экономической отсталости) не были развиты некоторые отрасли машиностроения: производство самолетов, автомобилей, не были развиты радиопромышленность, некоторые отрасли химической промышленности. Это были так называемые «новые» отрасли, которые и за границей стали в основном развиваться после войны.

Обстоятельства не позволяли рассчитывать на импорт продукции отсутствующих отраслей. Советский Союз объявил себя врагом всего капиталистического мира, поэтому импорт стратегически важных товаров из капиталистических стран часто был невозможен. Надо было рассчитывать на собственные силы в условиях значительной экономической изоляции.

В-третьих, трудно сказать, насколько реальной была **опасность близкой войны**. Во всяком случае, в представлении руководителей страны она была. Следовательно, **надо было создать мощную военную промышленность**, обеспечить армию современными видами вооружения – танками и самолетами. Эти отрасли промышленности были тогда тоже новыми для всего мира, они стали развиваться только в период Первой мировой войны.

Эти основные задачи определили особенности индустриализации.

1. **Очень высокие темпы.** Для создания новых для страны отраслей были брошены все силы и средства, часто в ущерб остальным отраслям.

2. **Индустриализация в СССР означала достижение полной экономической независимости**, т. е. развитие в условиях полной экономической изоляции.

Встал вопрос, за счет чего проводить индустриализацию. Одной из главных трудностей оказалась **проблема накоплений**. Решение именно этой проблемы в значительной степени определило направление дальнейшего развития хозяйства страны. Решать ее можно было одним из двух способов – **экономическим или административным.**

Экономический путь предлагали сторонники Н. И. Бухарина и даже начали проводить его в жизнь в 1926–1928 гг. Заключался он в том, чтобы использовать европейский и американский опыт (конечно, с поправками на социалистический способ производства): продолжать развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, накапливать в этих отраслях средства, а затем использовать эти средства для развития новых отраслей тяжелой промышленно-

сти. Этот путь означал использование разных форм собственности, товарно-денежных отношений, предприимчивости ради получения прибыли. Этот путь означал продолжение нэпа.

Второй путь, административный, который стал проводиться с 1929 г., означал концентрацию всего хозяйства в руках государства и использование административных, внеэкономических методов мобилизации ресурсов для индустриализации. Индустриализация и в этом случае должна была проводиться за счет сельского хозяйства и легкой промышленности, но не за счет их развития, а путем административного изъятия средств из этих отраслей.

Если первый путь предполагал первоочередное развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, то второй означал их разорение, обескровливание, с тем чтобы снова форсировать их развитие после рывка тяжелой промышленности на более высокой технической основе.

Реален ли был вариант Н. И. Бухарина? Обычное возражение заключается в следующем: низкая товарность крестьянского хозяйства не позволяла делать необходимые накопления, не позволяла получить необходимое для экспорта количество хлеба. Однако в 1926–1928 гг. в среднем за год вывозилось 2,4 млн т хлеба. Это было в четыре раза меньше, чем до Первой мировой войны, но выручки от экспорта было достаточно для импорта промышленного оборудования. Капиталовложения в промышленность в 1926–1928 гг. выросли в 3,4 раза, а темпы роста промышленного производства были выше, чем в последующих пятилетках: тяжелая промышленность за год увеличивала производство на 28,5 %, легкая – на 21,4 %.

К 1929 г. промышленное производство превысило довоенный уровень на 32 %. Частная промышленность, в которой были заняты 5 % рабочих, давала 15 % промышленной продукции. Кустари пока составляли 42 % всех занятых в промышленности.

Продолжением этого курса должен был стать первый вариант первой пятилетки, исходивший из принципов нэпа. Согласно этому варианту за пятилетку промышленное производство должно было вырасти в 2,8 раза.

Но в 1929 г. произошел **«великий перелом»**, и был принят **сталинский, ускоренный вариант пятилетки и индустриализации**. Вариант Бухарина-Кржижановского был отвергнут как слишком медленный. Очевидно, причина этого заключалась не только в недостаточно высоких темпах. Большинство коммунистов воспринимали «плюрализм» нэпа как отступление от социализма. Идеалом виделось все же единое государственное хозяйство. Линию Бухарина многие не одобряли.

Удалось ли получить средства для индустриализации путем их административной переброски из сельского хозяйства и легкой промышленности?

Очевидно, не совсем, потому что значительную часть затрат пришлось покрывать путем усиленной бумажно-денежной эмиссии. За первую пятилетку количество бумажных денег в обращении выросло в пять раз. Сельскохозяйственное производство сократилось на 20 %, почти не увеличилось производство промышленных товаров народного потребления. Иными словами, количество товаров на рынке если и увеличилось, то весьма незначительно. Это должно было привести к инфляции. Но такой инфляции, которая охватывает все хозяйство, не было, потому что в это время происходил **переход от рынка и хозрасчета к централизованной системе распределения ресурсов**.

Строящийся индустриальный объект не может существовать на хозрасчете: он не выпускает продукции и не получает прибыли. Поэтому индустриальные новостройки надо было обеспечивать денежными и материальными ресурсами централизованно. Но поскольку расходы на индустриализацию были главными расходами государства, а денежные и материальные ресурсы на рынке были отнюдь не в избытке, приходилось отбирать их у действующих предприятий, лишая и их возможности существовать на хозрасчете. Поскольку государство забирало до 80 % прибыли предприятий, они не имели и средств для хозрасчетной заготовки сырья и материалов.

Отмирили товарно-денежные отношения и при обмене продукцией между городом и деревней. Сначала свободная торговля была заменена контрактацией, а потом переросла в систему обязательных государственных поставок. Сельскохозяйственная техника направлялась в деревню по условным ценам в порядке нормированного распределения, а затем стала поступать в распоряжение МТС.

Так, централизованная распределительная система охватила все хозяйство. А хозяйственные реформы 1929–1933 гг. покончили с остатками хозрасчета. Инвестиции теперь делались не за счет собственных средств предприятий, а за счет госбюджета. В условиях государственного распределения ресурсов цена теряла стимулирующее значение, да и, строго говоря, переставала быть ценой, потому что определялась не законами рынка, а решениями государственных органов.

«Частичная натурализация хозяйственных отношений», как этот процесс был назван в литературе, возродила теорию об отмирании денег при переходе к социализму: ведь при переходе к нэпу товарные отношения были приняты лишь как временные – на время смешанной экономики с участием капиталистов и единоличного крестьянства. Но теперь экономика перестала быть смешанной. В 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) об «организации планового продуктообмена между городом и деревней», а в 1930 г. создается НИИ потребления, обмена и распределения, который должен был изучать проблемы перехода к безденежному распределению.

Деньги, впрочем, оставались, но перестали выполнять свои функции, и Остап Бендер не мог в пределах страны реализовать свой миллион.

Переход от хозрасчетных рыночных отношений к централизованной системе распределения ресурсов автоматически вел к централизованной административной системе управления: тот, кто дает ресурсы, определяет тем самым и объем производства. Отмирили хозрасчетные тресты и синдикаты, а главным звеном управления промышленностью стали промышленные наркоматы. **Отказ от рынка породил командно-административную систему.**

Было найдено теоретическое обоснование этой системы. Если в социалистическом обществе не действуют товарно-денежные отношения, то не действуют и законы марксистской политэкономии. Значит, эти **экономические законы, независимые от воли людей, действуют в буржуазном обществе, а социалистическая экономика строится сознательно, по плану, выработанному руководителями.**

Отказ от товарных отношений, хозрасчета означал отказ от использования материальной заинтересованности. Материальную заинтересованность пришлось заменить административным принуждением, которое получило название «методов усиления трудовой дисциплины».

1.4.2. Промышленность в довоенные годы

Получилось ли намеченное ускорение темпов в первой пятилетке? По официальным данным того времени, промышленное производство выросло за пятилетку в два раза (но все же не в 2,8 раза, как предполагалось по первоначальному, «слишком медленному» варианту). Далее по этим официальным данным переход к административной системе привел к замедлению, а не к ускорению развития. Но официальные данные явно завышены. По расчетам, опубликованным в 1987 г., за период с 1929 по 1938 г., т. е. за две пятилетки, производство выросло на 117 %. Поскольку нет оснований предполагать, что за вторую пятилетку промышленность увеличила выпуск продукции только на 17 %, а темпы в пятилетках были приблизительно одинаковыми, можно считать, что в действительности за первую пятилетку промышленное производство выросло на 50–60 %.

Если среднегодовые темпы роста промышленности в 1926–1928 гг. были выше чем 20 %, то за годы пятилетки они составили, по официальным данным того времени, 19,2 %, а по очень

осторожным расчетам исследователей Н. Шмелева и В. Попова – 9-13 %. Намеченный план по этим расчетам был выполнен только на 51 %.

В 1932 г., который считался последним годом пятилетки, ни в одной из ведущих отраслей промышленности намеченный план выполнен не был. Электроэнергии, нефти, стали, тканей в этом году было выпущено в 2 раза меньше, чем намечалось планом, автомобилей – в 4 раза меньше. Не были выполнены первоначально намеченные задания, но нужно учесть, что потом они были повышены, а затем промышленности стали задаваться еще более увеличенные годовые планы, согласно которым годовой рост промышленного производства должен был составлять до 45 %. Естественно, о выполнении этих повышенных заданий и речи быть не могло. Они были намного выше реальных возможностей промышленности, и вместо нарастания темпы стали снижаться. Тем не менее Сталин в 1933 г. объявил, что пятилетний план выполнен досрочно – за четыре года и три месяца.

Основные силы в первой пятилетке были брошены на строительство «предприятий-гигантов», таких как Уралмаш, Ростсельмаш, Днепрогэс, Горьковский автомобильный, Харьковский тракторный заводы. Эти предприятия можно было назвать гигантами, потому что они строились в соответствии с достигнутыми в мировой практике требованиями и поэтому были значительно крупнее прежних российских предприятий, построенных ранее. **Эти новые предприятия сразу заняли господствующее положение в своих отраслях, а в некоторых случаях – были первыми в новых отраслях.** Так, Уралмаш стал первым предприятием тяжелого машиностроения в стране.

Заводы эти строились в необыкновенно короткие сроки. Сталинградский тракторный завод был построен за 11 месяцев, Горьковский автомобильный – за 17 месяцев. Поскольку создавались новые отрасли производства, которых прежде в России не было и по которым, следовательно, не было и специалистов, то были приглашены сотни специалистов из других стран. На Магнитогорском комбинате работали более 200 иностранцев, на Сталинградском тракторном – почти 400. Значительная часть их потом оказалась в лагерях.

Наибольшие успехи были достигнуты в машиностроении. Было освоено производство автомобилей, самолетов, тракторов, фрезерных и револьверных станков, электропечей и другого промышленного оборудования. Если прежде только две фирмы в мире изготавливали типографские ротационные машины, то теперь появился завод по производству таких машин и в Советском Союзе.

Достижениям машиностроения способствовал мировой экономический кризис 1929–1933 гг. *В условиях кризиса, когда капиталистические страны остро нуждались в сбыте своей продукции, все эмбарго, все запреты на продажу Советскому Союзу стратегических товаров снимались и открывалась возможность в массовых масштабах закупать такое оборудование для машиностроения, которое раньше нашей стране не продавали.* На закупку этого оборудования были брошены все средства, какие удалось собрать, конечно, в ущерб другим отраслям хозяйства. *Производство машин выросло в 4,7 раза, хотя, как уже сказано, план по основным отраслям машиностроения выполнен не был.*

Химическая промышленность увеличила производство в 3,2 раза. На Кольском полуострове началось производство суперфосфата из местных залежей апатитов, а на Северной Каме Соликамский химкомбинат начал разработку местных калийных солей. И все же минеральных удобрений в 1932 г. выпускалось в 10 раз меньше, чем было намечено планом.

Производство электроэнергии выросло в 2,7 раза, составив 60 % намеченного планом задания. Добыча угля увеличилась на 80 %, что составило 86 % плановой цифры. Выплавка чугуна выросла вдвое, плановое задание было выполнено на 60 %.

Отставание легкой и пищевой промышленности было признано официально, но реальные цифры производства товаров народного потребления были намного ниже официальных величин. Так, считалось, что производство хлопчатобумажных тканей за пятилетку выросло

на 84 % (в денежном выражении), но выпуск хлопчатобумажных тканей в метрах увеличился только на 0,6 %. Фабричное производство кожаной обуви выросло на 50 %, но при определении темпов роста не учитывалось, что к началу пятилетки значительная часть этой обуви производилась в сфере кустарно-ремесленного производства. Считалось, что пищевая промышленность увеличила производство в 2,2 раза, но производство мясных продуктов сократилось на 12 %, сахара – на 35 %, производство молочных продуктов осталось на прежнем уровне. Если учесть, что подавляющая часть легкой и пищевой промышленности перерабатывала продукцию сельского хозяйства, а сельскохозяйственное производство за пятилетку сократилось, то и не могло быть существенного роста легкой и пищевой промышленности.

Главная особенность второй пятилетки заключалась в том, что если первая – это в основном строительство новых предприятий, то вторая – их освоение. Капиталовложения, сделанные в первой пятилетке, начали приносить плоды, новые предприятия начинали выпускать продукцию.

Однако первое время новые заводы работали довольно плохо. Например, конвейер Горьковского автомобильного завода первое время из-за нехватки деталей работал не более 10–15 дней в месяц. В эти дни с него выходили «неукомплектованные» машины: без фар, без тормозов, иногда без кабины. Потом это все приделывалось вручную во дворе завода.

Причина заключалась в недостаточной подготовке промышленных кадров. В первой пятилетке построили заводы, оборудованные новой, импортной техникой, но люди еще не умели работать с этой техникой.

Можно было построить за год завод, но за год нельзя подготовить даже одного инженера для этого завода. Первые советские инженеры еще только заканчивали вузы (это были первые выпуски, когда процесс обучения еще только налаживался) и со студенческой скамьи нередко назначались на руководящие должности. Без практического опыта им было довольно трудно.

Но не хватало не только инженеров, не хватало и квалифицированных рабочих. Мало того, что старые рабочие еще не знали новой техники – этих старых рабочих было мало. Общее количество рабочих за первую пятилетку выросло вдвое, а это значит, что к началу второй половину рабочих составляло новое пополнение. Их надо было еще учить профессии. Обычно это были сезонные строительные рабочие – землекопы, плотники. По окончании срока строительства из них комплектовались постоянные производственные кадры нового предприятия.

Поэтому **очень важным явлением второй пятилетки стала массовая техническая учеба рабочих без отрыва от производства.** Практически весь состав рабочих за годы этой пятилетки прошел через школы и курсы повышения квалификации, которые создавались при каждом предприятии.

Естественным следствием этого стала **новая форма соревнования – стахановское движение.** Стахановское движение было формой использования материальной заинтересованности: стахановцы, конечно, зарабатывали намного больше среднего рабочего. Оно было использовано для повышения норм выработки, поэтому нередко рабочие относились враждебно к рекордам стахановцев. Если в первой пятилетке производительность труда, по официальным данным, выросла на 40 %, то во второй – на 82 %.

За годы второй пятилетки промышленное производство выросло на 120 %, в том числе по группе «А» (тяжелая промышленность) – на 139 %, по группе «Б» (легкая и пищевая) – на 99 %. Среднегодовые темпы роста промышленного производства составили 17,1 %. Машиностроение увеличило выпуск продукции в 2,9 раза, металлургия – в 2,2, химическая промышленность – в 3, выработка электроэнергии – в 2,7. Таковы официальные данные. Можно предполагать, что они завышены. Как уже отмечалось, по последним сведениям, производство выросло на 117 % за период с 1929 по 1938 г., т. е. за две пятилетки. По оценке исследователей К. Шмелева и В. Попова, среднегодовые темпы роста производства во второй пятилетке составили 14 %, а плановое задание было выполнено на 70 %.

Кроме общих цифр роста следует отметить некоторые качественные достижения отдельных отраслей. Повысился технический уровень металлургического производства. Отмечалось, что по производству электростали Советский Союз обогнал США. В угольных шахтах стали широко внедряться врубные машины. В составе продукции химической промышленности появились новые виды – искусственное волокно и пластмассы. В пищевой промышленности возникли механизированные хлебозаводы, заводы по производству консервов.

Многие «достижения» обеспечивались ГУЛАГом. Заключенные строили каналы, железные дороги и новые города, добывали руду и заготавливали лес. По существующим оценкам, к концу второй пятилетки в лагерях находились до 10–15 млн заключенных, т. е. до 20–25 % всех занятых в материальном производстве. Этот почти даровой труд существенно снижал затраты на производство и строительство, а также несколько повышал уровень жизни.

До недавнего времени было принято считать, что к концу второй пятилетки СССР обогнал все индустриальные страны Европы по объему промышленного производства и вышел по этому показателю на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Впереди были только США. По оценкам современных исследователей, **промышленность СССР оставалась только на 5-м месте** после США, Германии, Великобритании и Франции (так же как и промышленность царской России в начале века). Сократился только разрыв.

Считалось, что **к концу второй пятилетки была обеспечена экономическая независимость СССР от остального мира: даже оказавшись в полной экономической изоляции, страна могла продолжать развиваться, опираясь на силы только своей промышленности.** Теперь можно было обойтись без импорта производственного оборудования, автомобилей и тракторов.

Была в основном решена и другая задача индустриализации – превращение аграрной страны в индустриальную. К концу этой пятилетки промышленность давала уже больше продукции, чем сельское хозяйство, причем 60 % промышленной продукции составляли средства производства – продукция группы «А».

Поскольку основные задачи индустриализации, таким образом, были решены и поскольку в хозяйстве страны уже практически не было капиталистов, а крестьяне стали колхозниками, **было решено, что переходный период от капитализма к социализму закончен и социализм в СССР построен.** Поэтому третий пятилетний план, рассчитанный на 1938–1942 гг., был принят как **план дальнейшего развития уже построенной социалистической экономики и – как следствие – первый шаг строительства материально-технической базы коммунизма.** Это было вполне логично: если социализм построен, то всякое дальнейшее развитие означало движение к коммунизму.

Отсюда вытекали две первые **особенности третьей пятилетки.**

Если в первых пятилетках ставилась задача догнать передовые капиталистические страны по общему объему промышленной продукции, **то теперь была поставлена задача догнать их по производству продукции на душу населения.** Дело в том, что первая задача считалась выполненной, потому что СССР вышел на 2-е место в мире по промышленному производству. Но поскольку по численности населения Советский Союз намного превышал страны, которые, как считалось, он обогнал, то по уровню экономического развития он оставался намного ниже: экономический уровень страны определяет не общий объем производства, а производство на душу населения. Между тем промышленной продукции на душу населения у нас производилось в пять раз меньше, чем в среднем в развитых капиталистических странах.

Третья пятилетка была объявлена **«пятилеткой качества»:** если до этого все внимание уделялось количественному росту производства, то теперь была поставлена задача качественных изменений в промышленности. Приоритетными были признаны проблемы ускоренного

развития химической промышленности, химизации хозяйства, комплексной механизации и даже автоматизации производства.

Политическая ситуация в Европе свидетельствовала о приближении войны, поэтому **в третьей пятилетке необходимо было подготовиться к войне**. Эта подготовка выразилась в следующих особенностях.

1. Вместо предприятий-гигантов было решено строить средние по величине предприятия-дублеры в разных районах страны.

2. Ускоренными темпами росло военное производство. Среднегодовой рост военного производства в довоенные годы этой пятилетки составил 39 % (оговоримся, что это официальные цифры того времени, по расчетам же современных исследователей среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 2 %). Невоенные предприятия в это время получали дополнительные военные заказы и выполняли их в первую очередь в ущерб своей основной продукции. Например, Россельмаш в 1939 г. выполнил свое годовое плановое задание на 80 %, но в том числе план по военной продукции – на 150 %. Очевидно, сельскохозяйственных машин в том году он выпустил немного.

3. Новое строительство было перенесено на восток – на Урал и в Сибирь. К началу войны машины и металлоизделия составляли почти 1/2 продукции уральской промышленности. По металлургии на ведущее место стал выдвигаться Урало-Кузбасс – соединенные железной дорогой металлургические заводы Урала и угольно-металлургический Кузнецкий бассейн. Развитие уральской металлургии тормозило то обстоятельство, что на Урале почти нет каменного угля, в Кузбассе же не хватало разведанной к тому времени железной руды.

Третья пятилетка была прервана войной. За три довоенных года пятилетки, по официальным данным, явно преувеличенным, промышленное производство выросло на 44 %, что было намного меньше запланированного на эти годы. Некоторые отрасли прекратили развитие. Черная металлургия увеличила за три года производство на 3 %, почти не выросли добыча нефти, производство цемента. *Сократилось производство автомобилей, паровозов, тракторов, сельскохозяйственных машин, токарных станков.* Почему? Этому было несколько причин.

Административное планирование могло давать хорошие результаты при строительстве предприятий-гигантов, в котором преобладал ручной труд. На снимках и кинокадрах того времени мы видим массы людей с лопатами и тачками – человеческий муравейник.

Перебрасывая эти огромные массы работников, можно было создавать действительно колоссальные производственные мощности. Но эти новые предприятия оборудовались перодовой по тому времени импортной техникой. И когда индустриализация подходила к концу, **административная система исчерпала свои возможности: оказалось, что новый технический уровень повышал требования к качеству управления и к работникам.** Теперь нужны были знания, компетенция, сбалансированность – экономические регуляторы хозяйственного развития, а не только выполнение приказов. Руководящие работники, выдвигавшиеся совсем по другим признакам, не имели требуемых качеств. Участились аварии, срывы плановых заданий.

Это рассматривалось как вредительство. На смену репрессированным приходили люди еще менее компетентные.

Материальная заинтересованность, как уже сказано, заменялась «методами усиления трудовой дисциплины», которые все более ужесточались. За три опоздания на работу в месяц человек попадал под суд. Увольняться и переходить на другую работу было запрещено. Человек прикреплялся к работе, становился практически крепостным. Но принудительный труд, как известно, имеет низкую производительность.

Это было время крайнего усиления централизации в управлении и директивные методов. Местные хозяйственные руководители практически не могли проявлять хозяйственную инициативу. Обратная связь в управлении – с мест в центр – была нарушена. В результате центральные органы руководства и планирования не имели правильной картины положения дел на местах, что порождало неизбежные ошибки в планировании.

Многие заводы выполняли дополнительные военные заказы и сокращали производство основной, мирной продукции. Именно этим объяснялось падение производства в ряде отраслей машиностроения.

И все же к войне страна пришла недостаточно подготовленной. Не хватало самолетов и танков. Немецкая армия была моторизованной, наша – пешей. Немецкие солдаты были вооружены автоматами, наши – винтовками, которые немногим отличались от винтовок Первой мировой войны.

1.4.3. Коллективизация сельского хозяйства

Кооперирование крестьян к началу индустриализации становилось все более необходимым. Теоретические предпосылки, из которых исходил ленинский кооперативный план, теперь дополнялись **необходимостью преодолеть низкую товарность крестьянского хозяйства**. Если перед Первой мировой войной товарность сельского хозяйства России составляла 26–30 %, т. е. до 1/3 сельскохозяйственной продукции шло на рынок, то теперь товарность понизилась до 13–18 %: крестьянское хозяйство оставалось натуральным. Это означало, что, даже восстановив довоенный уровень производства, деревня давала городу вдвое меньше хлеба, чем до революции. И в то же время росла доля промышленных рабочих, потреблявших эту товарную сельскохозяйственную продукцию.

К тому же мелкие крестьянские хозяйства не давали простора для дальнейшего развития технического прогресса.

А между тем техника сельского хозяйства уже сделала некоторый шаг вперед: если перед революцией еще почти 1/2 земель обрабатывалась сохой, то в 1928 г. сохой было обработано только 10 % пашни. Соху уже вытеснил железный плуг. Это был уже переворот.

Но если применение плуга было рационально в мелких крестьянских хозяйствах, то чуть более сложные механизмы были уже нерентабельны. Рентабельное использование комплекса конных машин – сеялки, жатки и молотилки – требовало большей посевной площади, чем была в хозяйстве среднего крестьянина.

Особое значение для сельского хозяйства имел трактор. Он в этой отрасли был тем же, чем был паровой двигатель для промышленности – главным звеном перехода от ручного труда к машинам. Но трактор был явно недоступен каждому крестьянину и не мог себя оправдать в его хозяйстве.

Все это требовало осуществления кооперативного плана, и до **1929 г.** этот план успешно проводился в жизнь: к тому времени уже 1/2 крестьян состояли в кооперативах. *При кооперировании особенно успешно росла товарность сельского хозяйства – ведь кооперировалось именно товарное производство.* Но в **1929–1930 гг.** началась **массовая коллективизация**: кооперативы были распущены, а вместо них стали создаваться колхозы. Почему?

Для получения средств для индустриализации стали увеличивать обязательные государственные поставки при сохранении самостоятельности крестьянских хозяйств. Большая доля поставок, так называемые «твердые задания», приходилась на так называемые кулацкие хозяйства, т. е. практически на тех крестьян, которые добивались лучших результатов в производстве, которые пытались повышать технический уровень своих хозяйств, производили товарную продукцию. Еще недавно их называли «культурными хозяевами» и делали на них ставку в увеличении товарности сельского хозяйства.

Увеличение поставок с «твердыми заданиями» означало возвращение к методам продразверстки. И результат был таким же: чтобы не быть зачисленными в кулаки, крестьяне, и в первую очередь «культурные хозяева», стали сокращать производство. Хлеба стало не хватать. С конца 1927 г. начался хлебозаготовительный кризис. В 1928 г. были снова введены карточки на продовольствие.

На места была отправлена директива: взять хлеб у крестьян «во что бы то ни стало». Если человек не выполнял положенное задание (а «твердые задания» были непосильными), он подлежал уголовному наказанию. Имущество осужденных конфисковывалось, причем четверть конфискованного отдавалась крестьянам-беднякам.

Поскольку такой вариант все же не дал нужного количества товарного хлеба, а вызвал сокращение производства, было решено объединить крестьян в колхозы и взять хлеб у колхозов. А поскольку крестьяне сопротивлялись **принудительной коллективизации**, она была объединена с раскулачиванием. Раскулачивание, особенно раскулачивание людей, которые кулаками не являлись, создавало атмосферу страха, позволявшую сломить сопротивление, разобщало крестьян, формируя группу «активистов», заинтересованных в раскулачивании соседей и выступавших за образование колхозов. При этом ликвидировались, отправлялись в Сибирь те крестьяне, которые лучше других умели вести хозяйство.

Но почему у колхозов было легче взять хлеб, чем у единоличников? Потому что **колхоз действовал по государственному плану, т. е. объем производства определялся** уже не желаниями крестьян, а **государственными заданиями**. В Уставе сельскохозяйственной артели, который стал законом колхозной жизни, было сказано: «Артель ведет плановое хозяйство, точно соблюдая установленные правительством планы сельскохозяйственного производства и точно исполняя планы сева, подъема паров, обработки почвы, уборки урожая и пр.». Не было уже разницы между государственным предприятием и колхозом, и мы не можем считать колхозы кооперативами.

Централизованное планирование в сельском хозяйстве приносило дополнительный вред, потому что местное земледелие во многом зависит от местных условий. Выработывая план сельскохозяйственных работ, государственные органы, конечно, не могли учесть этих особенностей.

Для организации колхозного производства в деревню были направлены **«двадцатипятидесятники»** из числа наиболее преданных идеям партии городских рабочих и партийных работников. Не зная сельскохозяйственного производства, они обеспечивали твердость в проведении партийной «линии» и по причине своей некомпетентности наносили дополнительный ущерб.

Объем сдачи продукции государству тоже определялся государственным планом. Поскольку планы заготовок исходили из государственных потребностей и государственных планов сельскохозяйственного производства, а не из реального урожая, то нередко оказывалось, что колхозы должны были сдать больше продукции, чем производили. Чтобы выполнить план заготовок, местные власти и «активисты» забирали не только продукцию колхозов, но и продовольствие, которое удавалось обнаружить у крестьян. Особенно значительными стали такие конфискации в 1932–1933 гг., когда для закупки промышленного оборудования за границей потребовалось резко увеличить экспорт зерна. Годовой вывоз зерна вырос до 5 млн т. Это не так много, если учесть, что царская Россия перед войной вывозила 9–10 млн т. *Но в условиях вызванного коллективизацией падения сельскохозяйственного производства результатом стала гибель миллионов людей от голода. По расчетам специалистов, за период с 1926 по 1939 г. от раскулачивания и голода погибли до 6 млн крестьян.*

К началу коллективизации, т. е. в 1928 г., в стране было 25 тыс. тракторов. Это не так много. В том году тракторным инвентарем было обработано лишь 1 % пашни. К концу первой пятилетки тракторами обрабатывалось 22 % пашни, а к концу второй – 50–60 %. Таким обра-

зом, только к началу войны тракторы стали главной силой на полях. А в 1928 г. не хватало и более примитивной техники. Только у 1/3 колхозов имелись сеялки, жатки и молотилки. Преобладал ручной труд. А это значило, что материально-техническая база для крупного производства не была еще создана.

До коллективизации сельскохозяйственные машины направлялись в деревню двумя путями – или продавались, или давались напрокат через прокатные пункты. Но оба эти способа были признаны непригодными с началом коллективизации, потому что они базировались на товарно-денежных отношениях, не соответствовали централизованной системе распределения ресурсов и не обеспечивали равенства: взять напрокат или купить мог лишь тот, у кого были деньги. А равенство всего для всех тогда считалось очень важным.

Поэтому для снабжения деревни машинами были созданы МТС – машинно-тракторные станции. МТС своими силами обрабатывали поля соседних колхозов. Первоначально МТС были задуманы как межколхозные акционерные предприятия, т. е. каждая МТС должна была стать общей собственностью нескольких соседних колхозов. Правда, средства для этого выделяло государство, но в следующие годы колхозы должны были вернуть долг. Однако для колхозов эти расходы оказались непосильными, и в конце первой пятилетки МТС стали государственными предприятиями.

К началу войны хозяйство колхозов несколько стабилизировалось и наметился далее некоторый рост производства. Поскольку основные полевые работы были теперь в основном механизированы, их выполняли уже не колхозники, а рабочие МТС. Начался переход от традиционного трехполья к научным многопольным севооборотам. Правда, они были введены пока только в 1/5 колхозов, т. е. преобладало пока архаичное трехполье.

Даже авиация была привлечена на службу сельскому хозяйству. Средняя Азия до этого страдала от саранчи, съедавшей временами всю растительность. Теперь очаги саранчи были уничтожены с самолетов.

Но хозяйство колхозов по-прежнему истощалось. Колхозная товарная продукция сдавалась государству по цене намного ниже стоимости. Например, государственные заготовительные цены на зерно были установлены в конце 20-х гг. и не менялись до начала войны, тогда как даже не рыночные, а государственные розничные цены за это время выросли в 6,4 раза. Обходился 1 ц зерна в 1940 г. в 3 руб., а государство его покупало за 86 коп.

Урожай вычислялся предварительно, на корню, и с этой предварительной цифры рассчитывалась величина поставок. При уборке до 30 % урожая гибло. И оказывалось, что колхозы должны были сдавать большую долю продукции, чем считалось официально. Вся выручка колхоза от сдачи продукции объявлялась его «доходом», т. е. из нее не вычитались производственные затраты. А они обычно были больше этой выручки, и в действительности хозяйства были убыточными.

Колхозник получал на трудодень до 2–3 кг зерна и от 50 коп. до 1 руб. деньгами. Поэтому основным источником существования колхозников было не общественное хозяйство, а личные приусадебные хозяйства, которые к концу второй пятилетки давали 40 % сельскохозяйственной продукции страны. В 1940 г. на долю этих хозяйств приходилось 13 % посевных площадей, но они давали 65 % картофеля, производимого в стране, 48 % овощей, 72 % мяса, 77 % молока, 94 % яиц.

Итак, цель коллективизации сводилась к тому, чтобы, объединив крестьян в колхозы, получить за счет деревни средства для индустриализации. Но расчет не оправдался, потому что коллективизация вызвала падение сельскохозяйственного производства. В целом это производство сократилось на 1/4. поголовье скота уменьшилось вдвое, и уровень поголовья 1928 г. был восстановлен только в 60-е гг. Но так как при этом существенно упала продуктивность животноводства, то производство продуктов животноводства упало значительно больше (по расчетам некоторых исследователей – до уровня 1919 г.).

Снизилась сборы зерна, и только в 50-х гг. производство зерновых превысило уровень, достигнутый при нэпе.

В городах, однако, это положение производства было не столь заметно, потому что *резко повысилась товарность – с 15 % накануне коллективизации до 36 % в конце второй пятилетки*. Сократив производство и собственное потребление, деревня теперь сдавала государству больше продукции, чем в период благополучного существования. Только в этом отношении цель коллективизации была достигнута.

Государственные заготовки зерна для экспорта и снабжения городов выросли с 1925–1928 гг. до 1938–1940 гг. приблизительно на 20 млн т. Из этой суммы 2–3 млн т шли на экспорт. Эти цифры и явились результатом, ради которого проводилась коллективизация.

2. Экономический фактор в развязывании мировых войн

Введение

Экономические противоречия, сформировавшиеся к началу XX в. между ведущими державами мира, стали основным фактором, который, подчиняя социальные, идеологические, династические и культурные соображения, привел к возникновению ряда международных военно-политических кризисов, в конечном счете вылившихся в одну из величайших мировых драм.

Новизна мирового экономического развития в этот период заключалась в том, что цивилизация вступила в очередной виток научно-технического прогресса, сопровождавшегося прежде всего ростом массового производства, требующего новых рынков и источников сырья. Относительно свободная рыночная конкуренция способствовала быстрому развитию производительных сил практически во всех отраслях экономики, но прежде всего в промышленности, а также транспорте и связи. Объем промышленной продукции мира за весь XIX – начало XX в. (до 1914 г.) вырос в 25 раз¹². Если XIX столетие считалось веком угля и стали, то XX в. с полным основанием стал веком электричества. В начале этого столетия электроэнергия стала широко использоваться в промышленности. Одновременно с применением более совершенных машин и технологий здесь разрабатывались новые принципы организации производства. Американский предприниматель Ф. Тейлор предложил разделить заводской производственный процесс на отдельные стадии и операции. Специализация рабочего только на одной операции позволяла существенно повысить производительность труда. Эти идеи были подхвачены и развиты на автомобильных предприятиях Г. Форда в США, где производство основывалось на стандартизации и автоматизации работ¹³. Важнейшим технологическим новшеством стало применение «сборочного пути», как называл его сам Форд, или конвейера (впервые это произошло в 1913 г.). Сборка автомобильного двигателя, которая раньше выполнялась одним рабочим, была разбита на 48 отдельных движений. В результате производительность труда увеличилась в 3–4 раза.

Укрупнение предприятий, концентрация промышленного производства происходили не только вследствие развития технологий. В условиях промышленного роста усиливалась конкуренция. Чтобы укрепить свои позиции в той или иной отрасли, предприятия объединялись в картели, синдикаты, тресты. Степень взаимодействия участников в этих объединениях различалась. В картелях предприятия договаривались об объеме производства, рынках сбыта, ценах на однородную продукцию, но сохраняли финансовую и производственную самостоятельность. В трестах они полностью переходили под единое управление, становились пайщиками одной компании. Например, «Комите де Форж» (Комитет металлургической промышленности Франции) объединял 250 компаний, производивших до 50 % чугуна и стали в стране¹⁴. В синдикатах сбыт продукции и распределение заказов осуществлялось централизованно, но при этом входящие в него компании сохраняли юридическую и производственную свободу действий.

Цель названных объединений состояла в том, чтобы занять монопольное, т. е. исключительное, положение в своей отрасли. Отсюда общее название подобных объединений – моно-

¹² Новая история 1850–1914. Учебное пособие. М.; Самара, 1998. С. 11–12.

¹³ Nevins A. Ford: the Times, the Man, the Company. N.Y., 1954. P. 644, 646–647, 652.

¹⁴ История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. II. С. 513.

полии. По мнению австрийского ученого Р. Гильфердинга, появление в экономической жизни феномена монополий было вызвано объективными причинами: «Ожесточенность конкуренции пробуждает стремление к ее прекращению. Самым простым способом достигается это, если части мирового рынка включаются в состав национального рынка, т. е. присоединением чужих стран колониальной политикой. Если свободная торговля была равнодушна к колониям, то протекционизм непосредственно приводит к большей активности в колониально-политической сфере. Здесь интересы государств непосредственно враждебно сталкиваются между собой»¹⁵. При этом монополизация, по Гильфердингу, постепенно утверждается не только в экономической, но практически во всех сферах общественной жизни. В частности, профессиональные союзы, на его взгляд, также представляют собой не что иное, как картели по монополизации рабочей силы: «Функция профессионального союза заключается в том, чтобы прекратить на рабочем рынке конкуренцию рабочих между собою: он стремится монополизировать предложение товара – рабочую силу»¹⁶.

Быстрее всего монополии росли в новых отраслях промышленности: автомобильной, химической, нефтедобычи, электротехнической. Но и в традиционных отраслях появились гигантские объединения типа «Ю. С. Стил-корпорейшн» («Стальной трест») в США или сталелитейное и военное производства Круппа в Германии. Монополии, как правило, имели разветвленную хозяйственную инфраструктуру, охватывающую всю производственно-сбытовую цепочку. Например, французская резинотехническая фирма «Мишлен» располагала каучуковыми плантациями в Индокитае, пароходами, складскими помещениями, сетью торговых заведений¹⁷.

Изначально лидерство в создании монополий принадлежало США. Здесь классической формой монополий стали тресты. Составляя примерно 1,4 % от общего числа предприятий, они получали около половины совокупной прибыли. Схожая ситуация наблюдалась в Германии, где на предприятиях, составлявших менее одного процента от общего числа, трудились около 30 % всех наемных рабочих¹⁸. Немало предприятий с числом рабочих от 500 человек и выше на рубеже веков появилось и в России. Нескольким десяткам гигантских предприятий легче было договориться между собою о разделе сфер влияния в той или иной отрасли производства, что позволяло значительно увеличить объем прибылей.

Получая огромную прибыль, владельцы этих предприятий сосредоточили в своих руках огромные капиталы. Так, 185 американских трестов совокупно владели огромным по тем временам капиталом в 1,5 млрд долл.¹⁹ Подобным гигантским предприятиям уже было тесно в национальных масштабах, они всё более активно устремлялись на мировые рынки, приобретая тем самым транснациональный характер.

Одновременно с концентрацией производства шла централизация капиталов в банках, претендующих на новую, доминирующую роль в экономике страны. Так, пять лондонских банков распоряжались 32 % всех денежных вкладов в стране, 9 берлинских – 49 % вкладов²⁰. Размещая накопленный капитал в промышленности в виде кредитов, займов, выпуска акций, банки постепенно захватывали контроль над промышленностью. Процесс переплетения, сращивания банковского и промышленного капитала, приведший к образованию финансово-промышленного капитала, стал характерной чертой набирающего силу империализма. Как любое новое явление, этот процесс сопровождался структурными и организационно-управленче-

¹⁵ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924. С. 384.

¹⁶ Там же. С. 419.

¹⁷ Долгих М., Руденко Г. Монополистический капитализм. М., 1961. С. 27.

¹⁸ См.: Эренбург И. Хроника наших дней // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 74–76.

¹⁹ Долгих М., Руденко Г. Указ. соч. С. 19.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 332–333.

скими изменениями, в том числе взаимным представительством руководства банков и заводов в соответствующих директоратах. Постепенно в ведущих странах сформировалась элитарная управляющая группа – финансово-промышленная олигархия.

В труде «Финансовый капитал» (1910 г.) австрийский ученый Р. Гильфердинг дал следующую характеристику этому процессу: «Характерную особенность «современного» капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в «уничтожении свободной конкуренции» посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны, во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи, капитал принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала»²¹.

В США эта олигархия была представлена примерно 60 семьями (Морганы, Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны, Карнеги и др.), во Франции – около 200 (Ротшильды, де Вандели, Шнейдеры, де Боге и др.), в Германии насчитывалось свыше 300 магнатов (Круппы, Тиссенсы, Симменсы и др.). В Англии в финансово-промышленную элиту входили «нефтяной король» Г. Детердинг, Д. Арс, Аберкони, Стрехтон и др.²²

Установив контроль над национальными рынками, монополии включились в ожесточенную борьбу за внешние рынки сбыта. Европейский и мировой рынок электротехнических изделий разделили такие гиганты, как американская «Дженерал Электрик», немецкие АЭГ и «Симменс-Шукерт». Немецкие металлургические и машиностроительные концерны А. Круппа, А. Тиссена, братьев А. и Р. Маннесман соперничали с британскими конкурентами. За рынки нефти и керосина вели борьбу британско-голландская «Ройял Датч Шелл», американская «Стандарт Ойл» и немецкие фирмы, объединившиеся вокруг «Дойче банк». Не менее жестко шла борьба на рынке вооружений, где конкурировали германские фирмы «Крупп» и «Маузер», английская «Виккерс» и «Армстронг», французский концерн «Шнейдер-Крезо», «Ансальдо» и «Фиат» из Италии, «Ремингтон Арме» из США, заводы А. Путилова из России и др.

Лидирующее место по капиталовложениям за пределами своих стран в начале века удерживали Великобритания и Франция. Британская правящая элита предпочитала вкладывать средства в свои колонии, где можно было получить большие прибыли за счет дешевого сырья и жесточайшей эксплуатации рабочей силы. Это паразитическое свойство империализма отмечал австрийский экономист Р. Гильфердинг: «Капиталисты крупных хозяйственных территорий стараются создать в чужих странах не такие промышленные отрасли, которые производят средства потребления, а больше заботятся о том, чтобы обеспечить за собою господство над сырым материалом для своих все более вырастающих промышленных отраслей, производящих средства производства»*. Французские капиталы чаще вывозились за границу в виде займов под высокие проценты, в связи с чем Францию стали называть «ростовщиком Европы». К началу Первой мировой войны в числе крупных должников французских банков оказались Россия, Испания и другие государства. Обратной стороной колониальной политики являлось снижение стимулов к повышению производительности труда и обновлению ассортимента изготавливаемой продукции. В колонии и зависимые страны вкладывался капитал, который мог быть использован для развития экономики самых метрополий. Соответственно, в Англии и Франции, создавших самые обширные колониальные империи, темпы экономического роста замедлились. Напротив, Германия, США и Япония, не имевшие крупных заморских владений, большую часть капитала направляли на развитие национальных экономик. Позднее вступив на путь индустриального развития, они оснащали отечественную промышленность самой передовой по тем временам техникой. Это обеспечивало им преимущества в борьбе с конкурентами. В начале XX в. ожесточенное противоборство в экономической сфере между ведущими

²¹ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 13.

²² Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 212–213. Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 392.

державами резко обострилось. Появились первые труды, в которых предпринималась попытка осмыслить особенности экономической жизни того времени.

2.1. Экономическая мысль о природе и сущности империализма

Природа и сущность империализма как нового этапа в эволюции капитализма стала предметом исследования в трудах В. И. Ленина, немецкого социал-демократа, экономиста и историка К. Каутского, теоретика и практика марксизма К. Либкнехта, английского экономиста Дж. Гобсона, австрийского социал-демократа Р. Гильфердинга и др.

Значительный вклад в изучении феномена империализма был внесен В. И. Лениным, проанализировавшим огромный по объему материал о различных аспектах экономики и политики капитализма того времени и обобщившим его в научно-популярном очерке «Империализм как высшая стадия капитализма». Подход В. И. Ленина к изучению специфики империализма в целом явился продолжением представленной К. Марксом политико-экономической анатомии капитализма. Однако задача, поставленная Лениным, существенно отличалась от задачи, стоявшей перед Марксом. Предметом исследования Маркса в «Капитале» являлся капиталистический способ производства в качестве определенной ступени в историческом развитии общества, новой общественно-экономической формации. Конечной целью исследования Маркса являлось раскрытие экономического закона развития капиталистического общества. Классической страной капитализма того времени была Англия, соответственно, свой анализ Маркс строил преимущественно на использовании конкретно-исторического материала этой страны, исходя из того, что Англия, более развитая в капиталистическом отношении, как бы демонстрирует менее развитым странам картину их собственного будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.